

elle скандинавская линия

ГЕРТ НЮГОРДСХАУГ

ЗООПАРК ДОКТОРА МЕНГЕЛЕ

18+

«НЮГОРДСХАУГ — ПРОРОК!»

Paris Match, Франция

«ЭТА КНИГА ШОКИРУЕТ И ПОРАЖАЕТ,
ЭТО ЛУЧШЕЕ, ЧТО Я ПРОЧЕЛ
В ЭТОМ ГОДУ»

RTL Radio, Франция

«ПРЕКРАСНЫЙ, БУДОРАЖАЮЩИЙ, МУДРЫЙ, ПРОНИКНОВЕННЫЙ РОМАН,
ПОЛНЫЙ ПРИКЛЮЧЕНИЙ. ДЕРЖИТ ЧИТАТЕЛЯ В НАПРЯЖЕНИИ ДО ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЫ».

Artemia's World, Норвегия

5 20 '18

Скандинавская линия «НордБук»

Герт Нюгордсхауг
Зоопарк доктора Менгеле

Издательский дом «Городец»

1989

УДК 821.113.5-31
ББК 84(4Нор)-44

Нюгордсхауг Г.

Зоопарк доктора Менгеле / Г. Нюгордсхауг — Издательский дом «Городец», 1989 — (Скандинавская линия «НордБук»)

ISBN 978-5-6048318-3-0

Герт Нюгордсхауг (р. 1946) – известный норвежский писатель, автор криминальных романов, один из создателей жанра экологического триллера. Роман «Зоопарк доктора Менгеле» (1989) – первая книга из серии романов про Мино, завоевавшая любовь читателей и получившая признание критиков. Это история о противостоянии уникального хрупкого мира тропических лесов Амазонки и жестокого мира бизнеса, где нет места чувствам и милосердию; о террористической группировке «Марипоса», добившейся ошеломляющих результатов благодаря бесстрашию, изобретательности и осторожности. «Марипоса» действует по всему миру, оставляя на месте преступлений визитную карточку – фотографию бабочки. На поимку террористов отправлены лучшие сотрудники мировых спецслужб. В чем же секрет неуязвимости «Марипосы»? Ради чего ее члены совершают свои жестокие преступления?

УДК 821.113.5-31

ББК 84(4Нор)-44

ISBN 978-5-6048318-3-0

© Нюгордсхауг Г., 1989

© Издательский дом «Городец», 1989

Содержание

Глава 1. Белая, как ядро кокоса	6
Глава 2. Черный дым из круга факира	31
Глава 3. Дом у моря	57
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Герт Нюгордсхауг

Зоопарк доктора Менгеле

Gert Nygårdshaug
Mengele Zoo

© Gert Nygårdshaug. First published by Cappelen Damm, 1989

© А. Юченкова, перевод на русский язык, 2023

© ИД «Городец», издание на русском языке, оформление, 2023

* * *

Время от времени я возвращаюсь в те памятные дни, которые провел в тропических дождевых лесах Венесуэлы и Бразилии. По вечерам, когда пирога приставала к берегу, индеец-канайма Томас у костра рассказывал мне невероятные истории. О сельве, о тропическом лесе, о великих джунглях, находящихся на грани истребления.

Я помню, о чем говорили за бокалом рома в баре «Сталинград» нищего прибрежного города Кумана. Здесь обсуждали версии бесследного исчезновения в джунглях к югу от реки Шингу легендарного английского капитана Перси Фосетта, отправившегося более пятидесяти лет назад на поиски древних цивилизаций. Именно Фосетт дал названия более сотне коренных индейских племен. На сегодняшний день их осталось не более десяти.

Ущерб, нанесенный дождевым лесам и их жителям, невозможно оценить. Действительность намного хуже, чем это можно описать в романе. А последствия осознать невозможно.

Обращаю внимание читателей на то, что в книге я умышленно смешиваю португальский и испанский языки, а также добавляю местные словечки и выражения. Мне хочется избежать привязки к конкретной стране или региону той части мира, где происходит основное действие. Названия животных и растений я использую настоящие.

Страумен, 22.11.1988 Герт Нюгордсхауг

Глава 1. Белая, как ядро кокоса

К юго-востоку от деревни на холме золотисто-зеленым светом от низкого вечернего солнца светила роща магнолий; мягкий, влажный, едва заметный ветерок приносил слабый запах с легким едким оттенком – *canforeira*, камфора. В самой гуще зелени возвышались цветущие жакаранды, словно фарфоровые маяки, они приманивали всех птиц – от грифов и ибисов до любящих совать свой клюв не в свои дела туканов.

Стайка желтых бабочек *statiras* вылетела из своего укрытия после мощного, но недолгого послеобеденного ливня и полетела в сторону деревни, привлекаемая яркими запахами цветов и овощей с рынка. Было жарко, в джунглях парило.

– Пошел прочь, маленький негодник, а не то призову всех духов обохо и кахими, заползут они ночью к тебе под одеяло и вопьются в тебя своими ядовитыми зубами!

Худощавый старик – продавец кокосов бил своей потрепанной шляпой маленького босого мальчишку, одетого в отрепья, тот ловко уворачивался, звонко смеясь и дразня старика.

Мино Ахиллему Португезе было шесть лет, и у него выпали уже почти все молочные зубы. Он спрятался за огромным платаном. Продавца кокосов он ни капли не боялся. Никто из детей не боялся старика Эусебио с его тележкой, хотя именно он пуще всех ругался и кричал громче всех, когда мальчишки приближались к его прилавку с кокосами. Все прекрасно знали, что в глубине души Эусебио добряк. Случалось, именно от него им перепал целый нетреснувший кокос. Далеко не все торговцы на рынке дарили детям бедняков целые кокосы.

– Минолито! Иди сюда! Мы кое-что нашли! – позвал мальчика его друг Лукас.

Мино выскочил из-за платана, перемахнул через гору стоявших на окраине рынка старых ящиков от овощей. Лукас, Пепе и Армандо стояли и тыкали палкой в деревянный ящик с гнилыми коричневыми капустными листьями. Мино взглянул в ящик.

– *Sapito!* – воскликнул он. – Маленькая белая жаба! Смотрите, она пытается спрятаться в гнилой капусте. Не обижай ее, Армандо!

Армандо, которому уже исполнилось десять лет и он считал себя почти взрослым парнем, отбросил палку. Вместо этого он достал из кармана брюк веревку и сделал из нее вполне профессиональную удавку.

– Сейчас мы ее подвесим, и все торговцы кокосами побросают свои тележки. Она ведь ядовитая, скажу я вам. Мой дед чуть не умер из-за такой вот жабы.

Армандо аккуратно опустил удавку на голову жабы и затянул ее.

Лукас, Пепе и Мино в ужасе отпрянули. Жаба вырывалась, билась, вытягивала свои длинные задние лапки, на ее стеклянных глазах появилась поволока. Армандо прыгал от радости и дико хохотал, держа удавку как можно дальше от себя. Вдруг жаба совершила какой-то невероятный неожиданный рывок и рухнула на голое бедро Армандо. Он взвизгнул и выпустил веревку, жаба тут же забралась под ящики от овощей и исчезла.

На бедре Армандо осталось красное воспаленное пятно, словно он обжегся о куст мухаре. Лукас, Пепе и Мино, не отрывая глаз, смотрели на пятно, ожидая, что в любой момент оно загорится, запылает, перекинется от бедра на пах и дальше – на живот, на грудь, огонь охватит всего Армандо, его кожа станет похожа на кожу молочного поросенка на вертеле, и он умрет.

Все знали, что белые *sapos* ядовиты.

Но пятно не увеличивалось, а Армандо не бледнел. Совсем скоро его щеки стали обычного цвета, а глаза снова засверкали.

– Вот дерьмо! – выругался он и ударил ногой по ящикам, под которыми скрылась жаба. – Дерьмо! Пойду смою эту слизь. А потом отыщу большие толстые скорлупки от кокоса и отнесу их домой, маме Эсмеральде.

Словно порыв ветра, он метнулся между торговцами овощей и исчез на другой стороне платана. Пепе пошел за ним.

– Сегодня ночью он умрет, – сказал Лукас, взяв Мино за руку.

Два шестилетних мальчика серьезно кивнули друг другу. Мино осторожно приближался к краю леса. Его босые ноги тонули в коричнево-красной, топкой земле, на которой отец Макондо тщетно пытался вырастить таро. Вялые росточки грустно клонились к бесплодному илу, который едва ли можно было назвать почвой. Джунгли окружали деревню со всех сторон, оставляя лишь тонкую полоску трясины, на которой можно было что-то посадить. Но отец Макондо не сдавался, снова и снова он высаживал свои таро.

Мино остановился и поднял ветку, упавшую с одного из огромных деревьев. Она отлично ему подходила, потому что была похожа на букву Y. Мино достал из кармана сетку от комаров, сшитую в форме кошелки – длинной колбасой, открытой с одной стороны. Он осторожно надел сетку на две стороны буквы Y, и – оп! – в руках у него оказался прекрасный сачок. Именно здесь, на самой окраине джунглей, водились самые красивые *mariposas* – бабочки.

Отец сказал, что сегодня ему были нужны две большие синие *Морфо*.

Мино подумал о жабе, укусившей Армандо. Тот наверняка сейчас лежал с лихорадкой. Мино шагал осторожно, внимательно глядя себе под ноги, не исключено, что в этом коричневом иле тоже полно белых жаб.

Мимо пролетела большая апельсиново-желтая бабочка *argante* и села на один из увядших росточков таро! Мино знал названия большинства бабочек, водившихся в джунглях, отец обучил его всему, о чем говорилось в большой энциклопедии. Мальчик медленно подкрался к растению, держа сачок наготове, а затем быстрым движением накрыл им бабочку. Натренированными маленькими пальчиками он быстро сжал тельце насекомого – не слишком сильно, чтобы не повредить ее, но достаточно, чтобы она потеряла сознание. Потом он достал из кармана маленькую металлическую коробочку и закрыл бабочку там вместе с ватным шариком, смоченным в эфире. Так умерла бабочка.

Каждый раз, держа в руках сачок, Мино чувствовал себя настоящим охотником. Он был великим охотником. Выходя на охоту за бабочками для отца, Мино никогда не брал с собой друзей. Ведь в кармане он носил смертельное оружие: жестяную коробочку с ядовитым газом. Отправляя Мино на охоту, отец всегда исполнял тайный ритуал.

– Минолито! – говорил отец, а потом произносил то самое сложное слово:

– *Этилацетат*.

Мино должен был повторить это слово, потом они кивали друг другу. Потом отец незаметно от матери пробирался в ванную, отщипывал маленький кусочек ваты от куска, хранившегося в верхнем ящике комода, они оба еще раз кивали друг другу, а потом Мино шел за отцом в пристройку. Там, под крышей, за балкой, так высоко, что даже отцу приходилось подниматься на ящик, стояла бутылочка. Бутылочка с Каплями Смерти. Отец смачивал ватку и быстро убирал ее в жестяную коробочку, подставленную Мино. Этой ватки хватало на много часов.

Мино дошел уже до первых деревьев, растущих в джунглях. Он настороженно оглянулся. За морфо нужно идти в джунгли. Именно там водятся красивые, цвета голубого металла небесные бабочки. Поймать их трудно. Обычно они летают высоко, слишком высоко – сачком Мино не дотянется. Но иногда они спускаются вниз к просвету между деревьями и садятся на траву. И тогда нужно очень осторожно подкрасться к ним.

Мино знал, что морфо надо ловить именно в это время. Было уже поздно, через час стемнеет. Именно в этот час морфо спускались с верхушек деревьев, словно сверкающие голубые лоскутки, и садились на землю. Отец получал за морфо в десять раз больше денег, чем за статиру или арганте.

В джунглях было тихо и влажно. От поникших листьев, на которые он наступал, поднимался пар, прямо перед ним в страхе выскакивала всякая мелкая живность: лягушки, медно-зеленые игуаны. Мино любил джунгли. Он совершенно не боялся их, хотя из-за огромных деревьев здесь всегда царил полумрак. Но заходил не слишком далеко, чтобы слышать шум и крики в деревне.

Маленький охотник, Великий охотник. Такими были обохи и кахими пятьдесят лет назад. У них были ядовитые стрелы, так рассказывал Армандо. А у Мино в кармане был ядовитый газ. Если бы у него была коробка побольше, он бы мог ловить и *cerrillos* – пёкари, и *armadillos* – броненосцев. Хотя они обитали в глубине джунглей.

Мино поймал одну морфо, потом еще одну. И прежде чем на джунгли спустилась ночь, он поймал еще одну. Они были больше его ладони и едва поместились в его коробке, даже со свернутыми крыльями. Отец похвалит его за удачную охоту.

Подпрыгивая, Мино бежал по илистой земле, забыв о белых жабах. Он зигзагом промчался по помидорным грядкам сеньора Гомеры, перепрыгнул через мощные маниоки сеньоры Серраты. Совсем скоро он оказался возле платана, под которым спрятал скорлупу кокоса, собранную днем возле тележек торговцев. И тут он заметил маму Эсмеральду, рыдая, она брела к рынку, закутавшись в черное полотно.

Так Мино понял, что Армандо умер.

Прежде чем поднять лопату и бросить горсть ржаво-коричневой земли в глубокую яму, где в деревянном ящике покоился Армандо, отец Макондо сказал:

– Для Бога биение маленьких сердец не прекращается никогда. На Небесах они продолжают стучать, кровь, протекающая через них, бурлит от счастья, словно чистый ручей на горном склоне. Армандо живет теперь в Чертогах Небесных. Там нет слез, нет бедности. Нет голода, оцелотом вгрызающегося в животы малышей. Армандо, улыбаясь, смотрит оттуда на нас, подобных убогим пионам, выросшим на худородной почве. Но настанет и наше время.

Мино крепко держал отца за руку и думал о хилых ростках таро, которые высаживал отец Макондо. Потом он подумал, что туда, где сейчас лежит Армандо, не доберутся ни муравьи, ни жуки – слишком уж глубоко. От этой мысли он вздрогнул и вспомнил о белой жабе.

– Папа, – прошептал он отцу, – а что страшнее – жаба или этилацетат?

– Тсс! – шикнул на него Себастьян Португеза и зажал рот сына рукой.

Священник бросил горсть земли на гроб, мама Эсмеральда зарыдала. Она приходилась Армандо бабушкой. Никому в деревне не было известно, куда подевались родители мальчика.

Похороны подходили к концу, Мино увидел стайку алых ибисов, полетевших к реке. Доктор сказал, что сам по себе яд белой жабы не такой уж и опасный, а сердце Армандо остановилось потому, что он очень сильно боялся. Боялся настолько, что сердце остановилось и кровь перестала течь по телу.

– Папа, а почему у бабочек нет крови? Может, у них и сердца нет?

По-прежнему крепко держа отца за руку, Мино шел в тени коричников, источавших свежий аромат и окружавших кладбище и маленькую белую церковь с двумя башенками.

Они жили в небольшом домике на краю деревни рядом с маленьким озерцом, вода в нем была стоячей, лишь в сезон дождей озерцо разливалось почти до дверей дома сеньоры Серраты, их ближайшей соседки. Дедушка Мино построил дом из глины, соломы и деревянных балок, а крышу покрыл ржавым шифером. Их дом был одним из самых красивых в деревне, ведь не реже двух раз в год Себастьян Португеза приносил из лавочки сеньоры Риверы известь и краску. Мама мастерила из веревок тарапы большие и маленькие кисточки, и вся семья принималась за работу – красили и белили, напевая баллады-боливары на свой лад. Младший брат Мино, Теофило, был еще слишком мал, чтобы красить, так что его привязывали к пере-

движной вешалке, чтобы он не перевернул банку с известью или не выпил ее. Все остальные работали охотно: и мама, Амантея, и четырехлетний брат Сефрино, и сестра-двойняшка Мино Ана-Мария. Вот только мама не пела. Уже больше года Амантея Португеза не произносила ни звука.

Себастьян Португеза зарабатывал себе на хлеб заготовкой и продажей бабочек. У него были связи в столице района – в двадцати милях ниже по реке, и каждую неделю он отправлял туда посылку местным автобусом. В маленьких пластиковых ящичках от конфет, которые он получал в лавке сеньоры Риверы, он размещал прекрасных бабочек. Этих совершенных существ невероятных цветов и узоров. «Ангелы джунглей» – так называл их отец. Платили ему неплохо, и, если Ане-Марии и Мино удавалось раздобыть парочку скорлупок кокоса у торговцев на рынке, голодать им не приходилось. Правду сказать, мясо или рыба редко попадались в похлебке Амантеи Португезы. Но у них была свинья и семь курочек, а еще две прирученные *tutum*, дикие индейки, с каждым днем жиревшие все больше на диете из кожуры маниоки и залежалого риса.

Мино часами просиживал возле отца, наблюдая за его работой. Ему не надоедало изучать движения его пальцев; не прикасаясь к их хрупким крылышкам, отец заставлял бабочек раскрываться на дощечке полностью. Для крыльев он использовал иголки, пинцет и прозрачную бумагу. Отец никогда не протыкал крылья иголками. Начиная заготовку бабочки, он пронизывал грудь насекомого, *thorax*, как он пояснил сыну, длинной тонкой иглой. Он прикалывал бабочку к дощечке, а потом осторожно раскрывал ее крылья, добиваясь абсолютной симметрии. В самом конце отец выкладывал длинные тоненькие усики, *antennas*, в идеальную букву V. Мино знал, что это самый ответственный момент заготовки. Усики легко ломались, и тогда вся бабочка оказывалась непригодной. В такой момент отец взрывался от ярости, поэтому, когда дело доходило до усиков, Мино задерживал дыхание. А когда отец работал над особенно редкой бабочкой, Мино даже не решался смотреть. Он выходил из каморки и ждал взрыва снаружи. Но если внутри было тихо, Мино спешил обратно, счастливо улыбаясь светящемуся от радости отцу, тот выносил дощечку на свет, чтобы все могли полюбоваться на чудо: *Pseudolycaena marsias!* *Morpho montezuma!* Или *Parides perrhebes!* Мино знал все эти латинские названия, они звучали как удивительные волшебные заклинания.

Бабочки сохли не меньше недели, а потом отец помещал их в пластиковый ящик с подложкой из коркового дерева. Сверху на подложку он клал листок бумаги, красивым почерком матери на нем было выведено название и семейство бабочки. Мама писала лучше всех в семье.

Для отца и для Мино не было на свете ничего прекраснее бабочек с широко распростертыми в вечной неподвижности крылышками. В этом они были единодушны.

Отец научил Мино и Ане-Марию читать. Власти обещали, что скоро в деревню приедет учитель, но пока никого не было. Мино громко и бегло читал большую энциклопедию бабочек. По вечерам, когда Мино ложился в кровать, отец иногда приходил, садился на его постель и рассказывал истории о четырех стадиях жизни бабочек: яйцо, гусеница, кокон и, наконец, самой бабочке. Стадия бабочки была очень короткой – не дольше двух месяцев, и все же за свою недолгую жизнь в джунглях бабочка успевала пережить много всего интересного.

Стоя в дверях, мать слушала эти рассказы, печально улыбаясь и не издавая ни звука.

Никто в деревне не знал, как Себастьян Португеза додумался до того, чтобы торговать бабочками, и где он научился с ними обращаться, но все соглашались с тем, что это был умный и уважаемый способ заработка в этих местах, где бедность и безработица сковывали людей, словно жевательная смола, не оставляя возможности выбраться. Никто из товарищей Мино и не думал смеяться над ним, когда он отправлялся в свой ежедневный поход с сачком для ловли бабочек наперевес. Он был одиноким охотником, но весьма уважаемым.

– Почему мы не вырубам деревья, заслоняющие от нас солнце? Почему мы не выжигаем мух парафином и огнем? Неужели у нас, жителей деревни, голова не на месте? Неужели мы стоим дешевле гнилой капусты на рынке? Посмотрите на сеньора Тико, того, что вставил острый *machete* в свой костыль и не упускает случая прижать его к горлу свиньи Кабуры, когда тот решается выйти на рынок. Неужто хромой сеньор Тико – единственный мужчина в нашей деревне, у кого действительно есть голова на плечах? Вы же слышали, что сказал отец Макондо: «Могущественные люди из плодородной саванны покупают машины, размером больше церкви, те, что работают быстрее тысячи *caboclos*¹. Они уже забрали себе землю, а скоро отберут у нас и работу! Мы – вонючая гнилая капуста, мы – мелкие ползучие твари, в ужасе отскакивающие от их сапог, наступающих на наши хвосты!

Торговец кокосами, чей прилавок располагался по соседству с тележкой Эусебио, стоял на двух ящиках от овощей, яростно размахивая руками. Его пламенную речь, раздавшуюся над площадью в тот самый момент, когда все готовились к сиесте, встретили восторженно, и старик Эусебио размахивал своей шляпой и смеялся во весь свой беззубый рот. Он достал бутылку агуардиенте, жадно отпил из нее и протянул бутылку говорящему.

– Еще, Гонзо, еще! Слава Тико с мачете в костыле!

– Ничтожные людишки!

Сеньор Гонзо закашлялся от крепкого самогона, но продолжил:

– Разве правительство не обещало нам работу и еду, а еще школу?! *И что мы имеем?* Ничего! Наши дома все глубже тонут в болоте, стены осыпаются, перекрытия гниют! Наша земля бесплодна, а новые деревья, которые мы сажаем, поражает грибок, плесень, они не дают плодов... А когда мы находим новые участки земли, где еще можно что-то вырастить, эти гиганты уже там, в руках у них бумажки с печатями и подписями, а *los armeros*, армейцы, приставляют дуло тебе ко лбу и, связав, тащат в крысиные норы столичного подземелья! Куда подевался сеньор Гипез? А сеньор Васкес и его сыновья? Их вынудили выпить мочу свиньи Кабуры, а потом погрузили на грузовик и куда-то увезли! Это происходит постоянно, а мы засовываем наши податливые головы в трясины, становящиеся все глубже с каждым новым дождем!

Мино вскарабкался на кладбищенскую стену под коричневым деревом, чтобы лучше видеть разыгравшийся на площади спектакль. Лукас последовал за ним, но сначала аккуратно устроил свою черепаху между двумя камнями в стене.

– Сеньор Гомез снова злой. Он стоит на ящике и размахивает руками, – прошептал Мино.

– Сеньор Гомез не *злой*, я точно знаю, вчера он дал мне прекрасный целый орех, – заверил его Лукас с серьезным выражением лица.

– Он злится не на нас, а на свинью Кабуру.

– Да все злятся на свинью Кабуру.

– Пошли! – сказал Мино, спрыгивая со стены, – проберемся прямо к ящику, на котором стоит сеньор Гомез. Может, получим еще орех, если будем хлопать, покуда он говорит.

Но Лукас остался на стене, испугался, что в толпе кто-нибудь наступит ему на распухший после укуса кота сеньоры Серраты палец.

Мино протиснулся между бушующими, вопящими торговцами овощами и кокосами и совсем скоро оказался возле ящиков Гонзо. Он изо всех сил хлопал в ладоши, надеясь, что сеньор Гонзо заметит это. Однако взор оратора, опьяненного своей речью и своей храбростью, а также регулярными глотками из прозрачной бутылки беззубого Эусебио, был обращен поверх головы Мино на толпу. Речь становилась все более накаленной.

¹ Caboclos – кабокло, этническая группа в составе бразильцев, португало-индейские метисы. Крупнейшая этно-расовая группа Амазонии.

– Что мы делаем со свиньями, пожирающими собственное потомство, а?! Да-да, мы берем самый большой, самый лучший кухонный нож и всаживаем его в плоть так, что отравленная кровь светло-красной пеной покрывает землю, а потом мы выкладываем труп на муравейник глубоко в джунглях. Разве не так мы поступаем, а?! В следующий раз, проходя мимо логова червей, которое Кабура называет своим кабинетом, я от души плюну на его зеленые сапоги, чума их побери, а потом я отброшу его карабин, выдерну по одному все волоски из его ноздрей и скажу ему, что нам не нужен *лакей американцев*, чтобы следить за землей, которую наши предки выгрызли из объятий джунглей!

Неожиданно его речь не встретила аплодисментов, никто не кричал и не орал. Тревожная тишина повисла над площадью. Оратор удивленно оглядывался с высоты своих ящиков, внезапно его взгляд застыл на точке левее от платана. Толпа расступилась, и трое мужчин в бордово-желтой камуфляжной форме с портупеями и взведенными карабинами промаршировали прямо к сеньору Гонзо; тот стоял с посеревшим лицом и молча шевелил губами. Его глаза внезапно наполнила влага.

Мино ухватил за ногу ближайшего продавца овощей, увидев, кто идет: сам сержант Фелипе Кабура и два его армейца. *Los armeros*.

Сеньор Гонзо застыл на своих ящиках в таком положении, которое противоречило закону всемирного тяготения и еще нескольким законам природы: руки и одна нога уже начали движение к земле, но тело еще находилось под таким углом, что спуститься он не мог, и так он простоял все то время, которое многим показалось вечностью.

Фелипе Кабура пнул нижний ящик с такой силой, что сеньор Гонзо свалился в тачку Эусебио и остался лежать среди зеленых гладких кокосов, уставившись в безмятежное голубое небо. Фелипе Кабура подошел к тележке с кокосами, поднял тяжелый карабин и ударил изо всех сил. Приклад угодил в орех, тот лопнул и оросил ближайших испуганных зрителей светло-серым душем кокосового молока.

– Свежий кокос! – сказал Кабура и еще раз сильно ударил карабином в тележку.

Теперь взорвался орех чуть левее от головы сеньора Гонзо, снова брызнуло молоко.

– И еще один свежий кокос.

Третий удар сержанта Фелипе Кабуры угодил прямо в нос сеньора Гонзо, раздался неприятный треск и капли кровавого дождя оросили торговцев овощами.

– Гнилой кокос, – сказал Кабура, повернулся на каблуках и промаршировал прочь вместе со своими армейцами, а тощие ноги сеньора Гонзо в тачке подрагивали в последних предсмертных конвульсиях.

Мино отпустил ногу торговца овощами и изо всех сил бросился бежать. Он спотыкался, падал, поднимался и снова бежал. Остановился он лишь возле рабочего стола отца в тени бананового дерева. Мать развешивала белье рядом.

– Ссс... сссвинья Ка... Кабура размозжил голову сеньора Гонзо, словно орех, – выдавил он, задыхаясь.

Себастьян Португеза рассеянно посмотрел на сына. Потом он отложил дощечку, на которой работал над наполовину препарированной бабочкой «белый павлин» *Anartia*, и посадил сына на колени.

– Минолито! – прошептал он.

Выслушав сбивчивый рассказ сына, он поднялся и пошел на площадь. Он вернулся только через два часа, сел за стол и ковырял в тарелке маша с маниоккой, приправленного чили и зеленым перцем, которую Ана-Мария поставила перед ним. Амантея, его жена, подарившая ему четырех здоровых ладных детей, стояла в дверном проеме, со страхом уставившись в утоптаный земляной пол.

– Где Минолито? – спросил отец хриплым голосом.

– Играет с Теофило и Сефрино за каморкой, – ответила Ана-Мария.

– Сегодня вечером я расскажу вам сказку о вожде племени обохи и бабочке Марипоса Мимоса, – сказал он.

«За великой рекой, за далекими полями, далеко-далеко в самой глубине *сельвы*, великих джунглей, жил могущественный вождь племени обохи Таркентарк. У Таркентарка было семь жен и тридцать четыре сына, но ни одной дочери. Поэтому каждый вечер он, причитая, сидел у костра и пил из огромных бочек пенную настойку *кассавы*, жена и сыновья подносили ему бочки – одну за другой. От кассава живот его стал таким огромным и тяжелым, что тащился за ним до самого холма, когда Таркентарк спускался к реке, чтобы посидеть на корнях мангрового дерева, и был похож на необъятный мешок. Великий вождь просиживал у реки ночи напролет, жалуясь на свою жизнь, а его огромный живот колыбался на поверхности воды, привлекая к себе стаи пираний, с жадностью вгрызавшихся в это огромное манящее чрево. Но кожа на животе Таркентарка была такой жесткой и крепкой, что не поддавалась даже острым зубам пираний. Вечер за вечером, ночь за ночью сидел у реки Таркентарк, горя о том, что у него нет ни одной дочери».

Глаза Мино слипались. Голос отца был спокойным и монотонным, а тихие вечерние звуки джунглей всего в ста метрах от дома окутывали троих прижавшихся друг к другу в общей кровати детей уютным убаюкивающим одеялом. Теофило давно уже спал в отдельном ящике в углу комнаты.

Мино крепко зажмурился и увидел перед собой отвратительное лицо сержанта Фелипе Кабуры, направившего приклад ружья в тележку старого Эусебио. Кокосовое молоко и кровь. Но постепенно эта картинка рассеялась, красочный рассказ отца о горе вождя Таркентарка и о волшебной бабочке по имени Марипоса Мимоса, заколдовавшей его, отпечатались в сознании шестилетнего мальчика и отогнал ужасные переживания.

Когда Себастьян Португеза закончил рассказ и опустил на кровать сетку от комаров, он увидел, что его сын проник в царство снов без мучительных болезненных картинок, из-за которых ему бы начали сниться кошмары и преследовать тревожные видения.

Он повернулся к жене, стоявшей в дверном проеме. Амантея Португеза распустила пучок на затылке, и сине-черные волосы заструились по ее плечам, обрамляя бледное красивое лицо, застывшее в бездонном горе. Муж привлек ее к себе, мягко поглаживая по спине, а ее губы беззвучно произнесли какое-то слово. Так длилось уже больше года.

Мино уже почти исполнилось девять, когда он впервые услышал этот звук. В погоне за прекрасной бабочкой *feronia* он выбежал в просвет джунглей. Эта светло-розовая бабочка с темными точками на крылышках обычно садилась высоко на стволы деревьев, слишком высоко для сачка Мино. Ему пришлось кидать ветки, чтобы спугнуть ее и заставить лететь дальше и, возможно, сесть пониже.

Он остановился. Что за *странный* звук? Глубокое грозное рычание, звучащее то выше, то ниже, смешивалось с резкими вскриками белых цапель, порхающих в кронах деревьев над головой Мино. Это был не зверь. Словно какая-то машина вгрызалась в рощи магнолий. Он остановился, прислушиваясь. Точно машина, но что здесь делать какой-то машине? Как она вообще сюда попала? Он забыл о бабочке и со всех ног ринулся назад к кладбищенской стене, он знал, что Лукас и Пепе ловят там муравьев, суесящихся по своим делам между камнями на стене.

Лукас и Пепе сидели, болтая ногами.

– Слышите? – закричал Мино.

– А ты думаешь, мы глухие?

Втроем они вытянулись на стене во весь рост, пытаясь разглядеть происходящее за зелеными верхушками, за редкой рощицей, которую и рощицей назвать можно было с трудом, хотя

это возвышение, на котором росли магнолии и лавровые деревья, выделялось на фоне бесконечных джунглей. В те редкие дни года, когда дул восточный ветер, деревенские старики, страдавшие бронхитами и слабым горлом, усаживались на стульях под кладбищенской стеной. Они сидели, подставляя свои дряхлые тела живительному благоуханию лавровых деревьев, приносимому ветром.

Ничего не было видно, но рычание то усиливалось, то затихало, ритмично и монотонно.

– Может, там самолет упал, и мотор то включается, то выключается? – предположил Пепе.

Пришла сеньора Серрата с полным подолом таро, остановилась и прислушалась. Потом дедушка хромого Друсиллы. И вот уже целая толпа взрослых и детей собралась возле кладбищенской стены, гадая, что за непривычный звук внезапно ворвался в их жизнь и заглушил тысячу знакомых звуков.

– Небось дон Эдмундо раздобыл какую-нибудь адскую машину, чтобы напугать нас до смерти! – прохрипел старик.

Дон Эдмундо был ближайшим соседом деревни, он владел огромными земельными угодьями, простиравшимися от плодородной саванны вниз до реки и дальше через джунгли до деревни. Однажды дон Эдмундо даже заявил, что и земля, на которой стоит деревня, принадлежит ему, но в ответ получил жесткий отпор: засвистели острые ножи и мачете, в районный центр направилась делегация, дети и жены со свиньями и курами под мышкой и полными мешками маниоки за плечами заполнили личный шикарный *patio* дона Эдмундо, там они вопили, кричали и шумели несколько ночей напролет, так что могущественный землевладелец был вынужден взять свои слова обратно и подписать документ, который отец Макондо выложил перед ним, где было написано, что он не имеет никаких прав на деревенскую землю.

Выдвигалось много самых невероятных теорий о происхождении загадочного звука, но Эльвира Мунко, дочь сеньора Мунко, который выращивал самые красивые гардении, прибыв на вечернем автобусе, преодолевшем двадцать миль из районного центра по петляющей размокшей дороге, выехавшем на площадь и остановившемся перед лавочкой сеньоры Риверы, рассказала вот что:

Там, где дорога вилась мимо заросшей тиной плотины, за тем камнем, где дон Эдмундо совершенно напрасно запретил сеньору Ривере и отцу Макондо сажать деревья сергата, стояли гигантские машины, выплевывая выхлопные газы и пар. Большой участок джунглей вокруг них был вырублен и расчищен, а рядом кишели американцы в белых пластиковых шлемах, они кричали, орали, бегали вокруг с рулетками, биноклями и разными причудливыми устройствами. В самом центре участка копали яму; устрашающий механизм вколачивал в землю железный штырь, всаживая его все глубже и глубже.

Все это Эльвира Мундо успела рассмотреть за те полчаса, которые автобус был вынужден простоять в ожидании, пока уберут с дороги огромное дерево. Говорить ей было нелегко, потому что в районный центр она ездила, чтобы вырвать больные зубы на верхней челюсти. Она добавила, что там находились оба сына дона Эдмундо, а также директор Лаззо. Их перепачканные землей лица в белых касках выглядели очень смешно.

Многие собрались у автобуса, чтобы послушать рассказ Эльвиры Мундо. Отец Макондо сцепил пальцы за спиной и выглядел очень серьезным, сеньор Ривера пнул ногой жестяную банку и напугал пса, спавшего в тени лестницы, ведущей к лавке. Луис Энкатор, запасной водитель автобуса, всегда мысливший очень трезво, сплюнул.

– Нефть, – сказал сеньор Ривера.

– Нефть, – ответил отец Макондо.

– Нефть, – шептали все собравшиеся у автобуса.

– Нефть, – сказал Мино, толкнув в бок Лукаса.

Гул в магнолиевой роще не прекращался. Люди останавливались и прислушивались, смотрели вверх и качали головой.

Вдруг однажды над деревьями показалась вышка. Сталь сверкала на ярком солнце. Почти все жители деревни, за исключением сержанта Фелипе Кабуры и его армейцев, собрались возле кладбищенской стены. Мино помог Пепе пристроить черепах так, чтобы на них никто не наступил. Мужчины тихо переговаривались, и Мино увидел, как отец, яростно жестикулируя, что-то говорил сеньору Энкантору и сеньору Мукко.

– Этот лес принадлежит деревне! – внезапно повысил голос отец Макондо. – Они вырубили наши деревья, даже не спросив у нас разрешения.

– А ведь именно там мы могли бы посадить прекрасные поля таро, – отозвался один из торговцев овощами.

– Да-да, там как раз подходящая почва, – добавил другой.

– Может быть, мы можем попросить у них немного нефти, мы могли бы продать ее на бензоколонки в городе? – предложил старик Оккус.

– Нефть принадлежит нам, вся нефть! – вскричал сеньор Ривера.

– Не кричите, – предупредил его отец Макондо, подняв руку. – Наверное, нам нужно что-то сделать. Многие из жителей нашей деревни остались без работы после того, как дон Эдмундо купил машины для посева и сбора урожая. Нам нужно поговорить с американским *jefe*², чтобы он взял на работу всех, кто пожелает. И еще нам нужно попросить, чтобы они построили нам школу в счет всех тех деревьев, которые они вырубili. И, возможно, благодаря нефти, которую они нашли на холме, наша деревня разбогатеет.

Стоило отцу Макондо сказать это, как толпа возбужденно забормотала. Тут же решили направить делегацию на переговоры с *jefe americano*. Пятеро мужчин, возглавляемых отцом Макондо, отправились в путь.

Мино и Пепе стояли на кладбищенской стене. Обернувшись, чтобы спуститься, Мино увидел, как из тени коричневого дерева вышел один из армейцев Кабуры.

Прекрасная *Morpho peleides* спустилась с верхушки дерева и села на трухлявый ствол прямо возле того места, где с сачком наготове поджидал ее Мино. Когда бабочка сложила крылья, она стала почти незаметной, цвет нижней стороны крыльев сливался с окружающей растительностью. Но Мино видел ее. Она спускалась, словно голубой сверкающий лепесток. Он подкрался поближе, отточенным движением накрыл ее сачком. Вскоре она упокоилась в жестяной коробке Мино.

Мино моргал глазами, вглядываясь между листвой, лианами и стволами деревьев. Из глубины джунглей приближался удивительный, спокойный и в то же время манящий свет. А еще аромат цветов, гниющей травы и веток, земли и грибов. Мино стоял очень тихо, как мышка, смотрел и слушал: щебетание сотен птиц над его головой, жужжание тысяч насекомых вокруг него, шуршание бесчисленных ящериц и змей, муравьев всех размеров, занятых своими бесконечными делами в лесу, жуков, пауков, червяков. Ни одно дерево не было похоже на другое; здесь были сотни, тысячи разных видов, иногда он легонько поддевал кору и наружу проступал всегда неожиданный цвет, а еще запах – новый, особенный.

Сколько на свете удивительных существ, думал Мино. Сколько прекрасных бабочек живет на нашей планете! Все ли они описаны в той книге, которая есть у отца? А вдруг существуют и те, которых еще не открыли? А вдруг он однажды принесет домой такую бабочку, которой нет еще ни в одной из существующих книг! И именно он откроет ее первым! Что скажет отец? Подумать только, сколько денег ему заплатят! На эти деньги они пристроят к дому еще одну комнату, и у Мино и его братьев и сестер будут собственные кровати!

² Начальник (исп.).

Мино замечтался. Он увидел, как высоко в кроне деревьев порхает незнакомая бабочка. Девятилетний мальчик босиком уходил все глубже и глубже в джунгли.

Себастьян Португеза мягко улыбался сыну, пока тот открывал коробку с сегодняшним уловом. Две прекрасные морфо, много замечательных бабочек семейства *геликонид*. Мама Амантея принесла тарелку дымящегося *carvera*³ и поставила на стол перед ним. Она погладила сына по голове, улыбнулась, но ничего не сказала. Мино накинул на ароматное овощное блюдо.

Сеньор Португеза с гордостью смотрел на сына, пока тот ел. Потом перевел взгляд на жену.

Прошло уже почти четыре года с тех пор, когда Амантея Португеза произнесла свое последнее предложение. В последний год ей удавалось выдавить из себя некоторые односложные слова, но не более того. Дважды Себастьян Португеза отправлялся в долгий и дорогой путь в районный центр, чтобы показать жену *el medico psicologo*⁴. После предыдущего визита ему показалось, что ей стало лучше, глаза ее заблестели, и она выговорила несколько слов. Теперь он копил деньги, чтобы через несколько месяцев снова отправиться к врачу. Ему очень хотелось, чтобы жена поправилась после того чудовищного позорного события, которое ей довелось пережить, поздним вечером четыре года назад, и из-за которого Амантея Португеза онемела и превратилась в бродящего с пустым взглядом зомби.

Амантея и еще две женщины, старуха Эсмеральда и сеньора Фрейтас, шли по дороге, собирая упавшие плоды *аннонов*. Амантея заметила в глубине джунглей прекрасные крупные анноны и пошла туда, чтобы собрать их. Набрав полные руки, она поспешила к остальным, они уже возвращались в деревню. В этот момент ее настиг джип, четверо армейцев ехали в районный центр.

В церкви перед алтарем, прижав правой рукой к груди распятие, поддавшись на настойчивые уговоры отца Макондо, сеньора Фрейтас и старуха Эсмеральда рассказали о том, что случилось. Они обернулись и проследили за джипом, когда тот проехал мимо них. Он затормозил прямо возле сеньоры Португезы, та стояла на обочине дороги с полной юбкой аннонов. Четверо армейцев выпрыгнули из машины и окружили Амантею, она опустила юбку, и фрукты рассыпались по пыльной дороге. Они притащили ее к джипу и крепко держали. Они стянули с нее всю одежду и положили на капот. Трое держали, а четвертый удовлетворял свою похоть. Они менялись до тех пор, пока все четверо не удовлетворили свою похоть. Сначала сеньора Португеза кричала, но потом внезапно затихла. Джип уехал, а она осталась лежать на обочине, голая, вся в крови, и онемевшая. С большим трудом женщинам удалось притащить обесчещенную опозоренную женщину в деревню, домой.

Об этом рассказала сеньора Фрейтас в церкви четыре года назад.

Сеньор Португеза вздохнул, отмахнулся от назойливых мух и принялся за бабочек. Мино доел свой обед и получил задание сбегать на овощной рынок, чтобы собрать скорлупу кокосов у торговцев, те уже сворачивали прилавки и закрывали тележки. Брат Сефрино, которому уже исполнилось шесть лет, наелся волчьей ягоды и валялся в постели с температурой и тошнотой. Сестра-близнец Мино помогала матери со стиркой, а самый младший, четырехлетний Теофило, считал муравьев, раздавливая их указательным пальцем, когда они показывались у дверного порога.

А там, наверху, в роще магнолий, гудели огромные машины.

³ Пагу (*исп.*).

⁴ Врач-психолог (*исп.*).

«Вдруг прилетела красавица Марипоса Мимоса, на крылышках у нее – золотые полоски, а усики большие и синие. Усевшись на живот несчастному Таркентарку, она пощекотала его своими крылышками. Вождь племени обохи попытался смахнуть ее, но Марипоса Мимоса все время возвращалась обратно, казалось, что ей очень понравилось сидеть на огромном пузе Таркентарка, покачивающемся на воде.

– *Почему у тебя такой большой живот, могучий вождь?* – спросила Марипоса Мимоса тоненьким прелестным голоском.

– Я пью слишком много кассавы, – пробурчал вождь.

– *А зачем ты пьешь так много кассавы, могучий вождь?* – прожужжала бабочка.

– Я горюю, – ответил вождь и прыснул от смеха, потому что ему стало щекотно.

– *А отчего ты горюешь, могучий вождь?* – поинтересовалась золотистая бабочка.

– Оттого что у меня тридцать четыре сына, но ни одной дочери, – пожаловался вождь и покачал животом. – О, если бы у меня была дочь, похожая красотой на тебя, бабочка, но, видимо, этому не бывать.

– *Все случится, могучий вождь, только послушайся моего совета.*

Могучему вождю племени обохо стало очень интересно».

Мино лежал, краем уха слушая сказку, которую отец рассказывал много-много раз. Он попытался отвлечься от голоса отца и сосредоточиться на собственных мыслях. Он не совсем понимал, почему было так важно, что американцы добыли из земли нефть. Но почему они не пришли к ним и не спросили у деревни, у отца Макондо разрешения на то, чтобы вырубить в джунглях деревья? Отец Макондо и несколько деревенских мужчин ходили на переговоры с *el jefe*, но обратно они вернулись разочарованные, он сам это видел. И многие мужчины, которые раньше всегда вели себя спокойно, громко кричали и ругались страшными словами на американцев и на солдат. Так поступать опасно, Мино прекрасно знал это. Он хорошо помнил, как три года назад свинья Кабура размозил голову торговца кокосами Гонзо, словно орех. Гонзо говорил громко. А ведь у свиньи Кабуры не меньше десяти армейцев, на прошлой неделе приехали еще шестеро. Они разъезжали повсюду на двух джипах, орали, кричали, гнали кур и строили страшные гримасы малышам, из-за чего те с плачем бросались к юбкам матерей.

Мино не нравился новый звук из рощи магнолий. Он нес с собой зло. Но когда отец дошел до концовки сказки о вожде племени обохи Таркентарке, Мино забыл все свои тревожные мысли и внимательно следил за рассказом. Так и должно было произойти.

На следующий год как внутри деревни, так и вокруг нее все изменилось. В этот год произошло больше событий, чем за последние пятьдесят лет, так сказал сеньор Ривера из лавки. Но все перемены были только к худшему.

Прежде всего, из деревни одна за другой к нефтяной платформе направлялись делегации, сначала для того, чтобы заявить свои права на участок джунглей, потом для того, чтобы обеспечить работой на новом предприятии хотя бы часть ее жителей. Все напрасно. Правда, троим мужчинам предложили работу, но узнав, что остальным двадцати семи отказали, они тоже не согласились. *El jefe*, американец с забавным именем Д. Т. Стар, которого отец Макондо сразу же прозвал «*Детестер*»⁵, навстречу не шел. Он утверждал, что лес и вся земля вокруг него принадлежит дону Эдмундо. В качестве доказательства он предъявлял новехонький документ с печатью и подписями, среди которых даже была подпись самого президента! Другой, не менее солидный документ подтверждал, что его *компания* приобрела право на добычу нефти во всем районе, да, даже во всей провинции. Когда отец Макондо предъявил свой документ, на

⁵ Detestar – ненавидеть (исп.).

котором тоже стояли подписи и печати, в том числе подпись самого дона Эдмундо, Д. Т. Стар только рассмеялся, изорвал его в клочья и бросил в лицо делегации из деревни.

Что же касается работы и возмещения за вырубленный лес, и здесь деревенским жителям ничего не досталось. Нужны были «*обученные сотрудники*». Нужно было уметь «*обращаться с техникой*». Неумелые необразованные дикари Д. Т. Стару были не нужны. Лес? Возмещение? Разве лес не принадлежал дону Эдмундо? Они *уже заплатили* за лес. Дон Эдмундо получил за него солидную сумму.

Деревенская делегация вернулась ни с чем, с поникшей головой. Но в церкви отец Макондо говорил очень яростно, используя такие слова, которые раньше в деревне никто не произносил.

Для торговцев на рынке тоже наступили нелегкие времена. Четверем из них, в том числе Эусебио с его тележкой, пришлось оставить работу. Они торговали фруктами сергата и дикой репой. Лучшие участки, где росли эти растения, были уничтожены бульдозерами Компании. На скамейках вокруг могучего платана, где обычно сидели безработные, становилось все многочисленнее. Очень многие проводили свои дни, отмахиваясь от назойливых мух и посасывая незрелые кокосы. Время от времени возникала волна агрессии, вслед все чаще и чаще патрулировавшим на площади людям Кабуры летели смачные плевок.

– Стреляй! – закричал однажды сеньор Тико, направив свой костыль на армейца. – Стреляй, убей калеку, так ты, по крайней мере, сделаешь что-то полезное для своего крошечного мозга ящерицы, сидящего у тебя в черепе.

Солдат поднял ружье, взвел курок и выпустил восемнадцать пуль в тело Тико. По крайней мере десять из них оказались смертельными.

Детям, собиравшим скорлупу орехов на площади, тоже приходилось нелегко. Все реже и реже Мино и Сефрино приносили домой полные охапки. Все чаще детей отправляли в джунгли на поиски дикой репы, сергаты или упавших фруктов. А ведь это было довольно опасно. Младшая дочь сеньора Мукко, Теобальда, однажды отстала от остальных. Четыре дня ее безуспешно искали. Теобальда так и не вернулась. А Пепе, лучший друг Мино, упал с гнилого дерева анноны и сломал ногу. Теперь он всю жизнь будет ходить на костылях.

Все чаще и чаще Д. Т. Стар навещался в деревню в кабинет сержанта Фелипе Кабуры. Никто не знал, о чем они говорили. Но результаты этих встреч были видны всем жителям деревни – из окна Кабуры вылетали пустые бутылки и разбивались о землю. На этикетках бутылок всегда значилось одно и то же: «*Old Kentucky Bourbon. Five Years Old*»⁶.

Однажды Мино бродил глубоко в джунглях по одному ему известным дорожкам в поисках редчайшей из редких бабочек, и вдруг ему в голову пришла одна идея – она была настолько леденящей душу и в то же время грандиозной, что Мино пришлось присесть прямо на огромную ветку дерева метадор.

Идея же была такова: свинья Кабура и Д. Т. Стар были хорошими друзьями. Наверняка они знали друг друга много лет. Очевидно, Кабура рассказал Д. Т. Стару о том, что возле их деревни есть нефть. Поэтому именно свинья Кабура виноват во всех тех несчастьях, которые свалились на деревню. К тому же ему подчинялись армейцы, наводившие ужас на жителей. Свинья Кабура – убийца. Свинья Кабура уничтожит деревню. Поэтому свинью Кабуру нужно убить.

Именно там, именно тогда, сидя на ветке в глубине джунглей, в тот момент, когда армия муравьев-*sauba* маршировала по его левой ноге, прислушиваясь к фырканию *cerrillo*, пекари, в ближайших кустах и наблюдая, как бабочка *serpico* невероятным образом села прямо возле его жестяной коробки с этилацетатом, которую он положил на траву прямо перед собой, десяти-

⁶ Старый Кентукки Бурбон. Пять лет выдержки (англ.).

летний Мино Ахиллес Португеза принял крайне важное решение: он убьет свинью сержанта Фелипе Кабуру.

Обдумав эту идею и приняв решение, он улыбнулся солнечным лучам, играющим в кронах деревьев, осторожно поднял свой сачок и умелым движением поймал редкую бабочку серпико.

* * *

Глубоко под землей, где-то под бесконечной рю дю Бак в Париже, возможно, прямо под довольно невзрачным и убогим отелем «Флери» в напичканной оборудованием комнате, о которой знали всего пять человек, сидели двое мужчин. Этой комнаты не было ни на одном архитектурном плане, а вход и выход из нее был замаскирован так, что даже местные бродячие кошки не могли его отыскать. Эта комната являлась международной территорией, одним из тех, кто знал о ее существовании, был министр безопасности Франции. Но и он бывал здесь крайне редко.

Господа Уркварт и Гаскуань сидели друг напротив друга в удобных глубоких креслах. Между ними располагалась похожая на стол стеклянная поверхность, на ней красными, зелеными и синими квадратами и кругами были обведены какие-то участки, написаны буквы и цифры. Кроме этого, на стеклянной поверхности валялись какие-то бумаги, а прямо по центру стояла переполненная окурками пепельница.

Комната была довольно просторной, на стенах висели экраны, телетайпы, телексы и самые новейшие компьютеры. Свет в ней был приятный, наподобие дневного.

Уркварт был старше своего коллеги, ему почти исполнилось шестьдесят, у него было смуглое серьезное лицо с четкими чертами и глубокие ясные глаза за большими роговыми очками. Тонкие волосы зачесаны назад и сильно напомажены. Одет он был в элегантный темный костюм, светлую полосатую рубашку, галстук на нем был нейтрального цвета. На Гаскуане, напротив, были свободные светлые брюки и подходящий по цвету акриловый свитер. Он был намного моложе Уркварта, ему едва исполнилось пятьдесят, чуть полноват, румяный, внешне довольно приятный.

И Уркварт, и Гаскуань прекрасно слились бы с толпой на улице.

Гаскуань затушил сигарету, приложил указательный палец к зеленому участку на стеклянной доске, монитор на стене напротив него зажегся.

– Поезд Афины – Стамбул, – кивнул он.

– Кто ее схватит?

Уркварт щелчком отбросил соринку с левого стекла очков.

– Грек, гражданский, по имени Никис. Он отвезет ее прямо в аэропорт у Комотины. Самолет уже ждет.

– Как вы думаете, сколько нам придется держать ее в «беседке»?

Гаскуань всплеснул руками:

– Два часа – два дня. Как знать? *Merde*⁷. Надеюсь, она запоем как соловей.

Заскрипел телекс, Уркварт оторвал бумагу и прочитал ее вслух:

– Подтверждено, – закончил он. – Муха скоро попадет в сеть, и мир сможет вздохнуть свободно.

Разговор между Урквартом и Гаскуанем на международной территории глубоко под рю дю Бак в Париже состоялся ровно через 4380 дней после того дня, когда десятилетний Мино Ахиллес Португеза решил убить свинью Кабуру.

⁷ Дерьмо (франц.).

* * *

Пепе ковылял рядом с Мино. Костыли были ему велики.

– Померяем сегодня панцири черепахам?

Мино покачал головой. Он позвал своего лучшего друга спуститься с ним к запруде позади дома сеньоры Серраты. За зарослями камыша у Мино имелось свое местечко, земля тут была утоптанной, и он частенько посиживал здесь в тиши и покое на камушках, которые приволок сюда, разглядывал квакающих лягушек, сидящих на покачивающихся на воде листьях виктории. В запруде было полно всяких удивительных созданий, живших собственной непростой жизнью.

Мино нужна была помощь, чтобы убить свинью Кабуру. Он собирался рассказать Пепе о своей идее.

– Мы уьем свинью Кабуру, – сказал внезапно Мино, когда друзья уселись.

– Да? – просиял Пепе. – Вот это игра, Мино! Будем играть, будто мы убили всех армейцев. Вон та лягушка – она будет свиньей Кабурой. Видишь, она даже похожа на него?!

Пепе засмеялся, показывая пальцем на лягушку.

– Чушь, – хмыкнул Мино, – я говорю серьезно. Мы с тобой уьем свинью Кабуру. Уьем его, и он будет лежать мертвый и бездыханный.

Мино поведал другу свой план и поделился мыслями, которые пришли ему в голову в джунглях.

Пепе побледнел. Глаза его стали большими и круглыми. Он стучал палкой по воде. Потом внимательно осмотрел свою ногу, сломанную, ту, что никогда не выздоровеет.

– Ка-кабура и а-армейцы очень опасные люди. У нас ничего не выйдет, – прошептал он.

– Конечно выйдет.

Мино горделиво поднял голову.

– Это совсем несложно. Намного проще, чем поймать и убить бабочку серпико, скажу я тебе. Только никому ничего не говори, ни единой душе! Ты ведь не болтаешь во сне, а?

Пепе энергично помотал головой.

И Мино подробно рассказал ему о том, как они убьют свинью Кабуру и избавят деревню от бесчинств дона Эдмундо и Д. Т. Стара.

Грядки помидоров сеньора Гомеры были самыми лучшими в деревне. Никому не удалось собрать с куста столько плодов! Всего четыре аккуратных ряда по десять кустиков на каждом – и сеньор Гомера ежедневно появлялся на рынке с двумя полными корзинами томатов. Секрет сеньора Гомеры заключался в том, что он совершенно случайно выяснил: там, где вокруг кустиков помидоров вырастала *miamorates* – белена, рождалось в два раза больше плодов. Вот только белена ядовита. Но так как никто и не собирался ее есть, это было неважно.

Случилось так, что у одного из армейцев свиньи Кабуры, у короткостриженного парня с бычьей шеей по имени Питрольфо, была собака. Худая злобная овчарка, которую в основном держали в вольере за казармой. Но иногда Питрольфо выводил свое чудовище на прогулку, обвязав ее шею лианой. Иногда он даже спускал ее, и тогда всех детей в деревне загоняли домой, а ворота запирали на замок.

Однажды Питрольфо спустил собаку с поводка, и она понеслась напрямик к плодовым кустикам помидоров сеньора Гомеры. Сначала она вынюхивала что-то, потом описала восемь-десять кустиков. А потом случилось то, что обернулось настоящим несчастьем для сеньора Гомеры: собака начала в огромных количествах поглощать маленькие беленькие цветки белены. Потом она еще раз описала четыре-пять кустиков. Затем легла на землю и страшно завyla. Питрольфо опустил карабин, достал свисток и дунул в него. Он пытался при-

манить собаку обратно. Но овчарка застыла в кустах помидоров, отчаянно воя. Она перевернулась на спину и задрыгала в воздухе ногами. Вой постепенно стихал. Питрольфо перестал свистеть и подошел к собаке. В тот момент, когда он приблизился к ней, чудовище забилося в страшных конвульсиях, вытянулось в струнку и застыло. Собака была мертва. Она нажралась белены сеньора Гомеры и сдохла.

Глаза Питрольфо чуть не выскочили из орбит, когда он увидел, что собака мертва. Потом он обнаружил у нее в пасти недоеденный цветок белены. Сверкая от ярости глазами, он оглянулся и пробормотал какие-то страшные проклятья, а затем выпустил семнадцать пуль в ближайший кустик помидоров.

Жители деревни, узнав, что Питрольфо собирается отпустить собаку с поводка, заперлись в своих домах. Теперь же, услышав стрельбу на помидорных грядках, они поняли: случилось что-то ужасное. Торговцы овощами быстро закрыли свои прилавки и спрятались за пустыми ящиками или затаились в укромных местечках. В одно мгновение деревня словно вымерла.

Мино и Пепе, с самого утра следившие за свиньей Кабурой, сидели высоко на дереве за тем домом, где располагался кабинет сержанта. Оттуда им хорошо было видно, как четырнадцать армейцев под предводительством сержанта Кабуры с ружьями наготове устремились к грядкам сеньора Гомеры, чтобы помочь Питрольфо, даже не зная, из-за чего именно ему пришлось стрелять.

Следующий час стал очень тревожным для жителей деревни. После того как сержант Кабура и остальные армейцы выяснили, что случилось на помидорных грядках, Питрольфо принялся яростно жестикулировать. Труп собаки затащили в вольер за казармой, и там он и остался лежать, привлекая огромные полчища мух. Армейцы распределились, они уверенно подходили к каждому дому и колотили в двери.

– Кто хозяин этих грядок помидоров, чума их возьми! – рычали они.

– Пусть хозяин этих чертовых помидоров выйдет на свет божий! – приказывали они.

Сеньора Гомера жила в маленьком домике посреди деревни. Они с мужем делили дом с семьей Перез, у которых была маленькая *lavanderia*, прачечная. Услышав крики и стук в дверь, она прижала к груди восьмимесячную Марию и осторожно открыла дверь. Двое армейцев резко спросили, здесь ли живет хозяин знаменитых помидорных грядок.

Сеньора Гомера кивнула. Она не умела врать.

Как только армейцы обнаружили дом хозяина помидоров, они все собрались там во главе с сержантом Кабурой. Поднялась жуткая суеда, а маленькая Мария душераздирающе закричала, когда мать вытащили на улицу.

В этот момент вся деревня поняла, что семья Гомера внезапно оказалась в эпицентре ярости армейцев, хотя никто не понимал, чем именно она была вызвана. Торговцы овощами вышли из укрытий и из-за ящиков, двери домов отворились, народ повалил на улицу. Медленно, но уверенно они окружили сеньору Гомеру и бушующих армейцев.

Из круга вышел маленький юркий человек и решительно подошел к сержанту Кабуре. Это был сам сеньор Гомера. Он вежливо поинтересовался, что все это значит, если им нужно было что-то от него, они могли бы прийти на площадь, где он каждый день торгует за своим прилавком, а не пугать до смерти его жену и маленькую дочь.

– Оле! – прорычал сержант Кабура. – Оле! Питрольфо! Вот отравитель! Вот этот позорный червяк, который выращивает ядовитые растения рядом со свежими красными помидорами! Лишь Святой Джованни знает, не собирался ли он однажды подмешать нам яд в суп! Питрольфо! Что ты хочешь, чтобы мы сделали с этим вырождением свиньи, убившим твоего красавца Цезаря?

Питрольфо оскалился и взмахнул ружьем прямо перед лицом сеньора Гомеры, тот отпрянул, но штык все же задел мочку его уха. На чистую белую рубашку закапала кровь.

– Сделали? Ха! Сделали! Что я сделаю с этим мерзавцем? Сейчас я вам расскажу: он съест две большие охапки своих собственных ядовитых растений. А если не проглотит,отрежем ему яйца и член!

Все вокруг заволновались. Женщины зарыдали. Отец Макондо пробрался вперед вместе со старым доктором, Педро Пинелли.

– Послушайте, – молитвенно сложив руки, обратился он к сержанту Кабуре. – Врач подтвердит вам, что человек может умереть, если съест столько этого растения. Будьте благоразумны, сержант Фелипе Кабура, должен ли человек умереть из-за того, что собака случайно съела ядовитое растение на поле и околела? Милосердный Бог не оправдает такую месть Питрольфо.

Сержант Кабура дико захохотал и оттолкнул священника и доктора обратно к толпе. Затем он приказал одному из армейцев набрать побольше белены. Сеньора Гомеру связали и посадили на ящик прямо возле дверей его дома. Семь армейцев стояли возле него, направив ему в голову дула взведенных ружей. Сеньора Гомера, рыдая, побежала в дом с маленькой Марией на руках.

Бурление толпы вокруг этой сцены становилось угрожающим. Толпа постепенно смыкалась вокруг армейцев и несчастного сеньора Гомеры, некоторые из армейцев заметно нервничали и тыкали дулами ружей в стоявших рядом с ними людей. Армеец, которого послали на грядки помидоров, вернулся с полной охапкой белены.

– Именем Бога и Матери его Марии заклинаю вас остановиться, сержант Кабура!

Отец Макондо снова вышел вперед, молитвенно обращаясь к предводителю солдат. И его снова жестко вытолкнули обратно дулами ружей и грубыми кулаками.

Сеньор Гомера сидел на ящике, плотно сжав губы и упрямо глядя перед собой. Лицо его стало мертвенно-бледным. Питрольфо схватил горсть листьев белены и сжал их в комок, вдруг сеньор Гомера широко распахнул рот и схватил зубами этот комок, не дав армейцу возможности силой затолкнуть его.

Воцарилась полная тишина. Даже армейцы перестали поигрывать своими ружьями и портупелями. Все уставились на несчастного сеньора Гомеру. Его щеки раздулись, если бы не ожидаемая всеми трагедия, это выглядело бы даже смешно.

– Жуй! – рявкнул внезапно Питрольфо.

Сеньор Гомера начал медленно жевать. Он жевал, жевал. Надулась левая щека, потом правая. Все это время он с ненавистью смотрел на Питрольфо.

– Глотай! – зарычал Питрольфо.

Сеньор Гомера перестал жевать. Он сидел, глядя на стоявшего перед ним палача. А потом сглотнул.

По толпе пронесся вздох.

Несчастный упал с ящика и начал кататься по сухой земле, словно перевернувшийся на спину жук, словно муха без крыльев. Все быстрее и быстрее, а потом замер. Вокруг его рта появилась зеленая пена.

Отец Макондо и доктор Пинелли подбежали и упали на колени рядом с сеньором Гомерой. Армейцы отступили, Питрольфо пробормотал что-то о том, что достаточно и одной горсти.

Сеньора Гомеру занесли в дом.

Высоко на дереве, прекрасно видя все, что происходило внизу, Мино сказал Пепе:

– Теперь ты понимаешь, почему мы должны убить свинью Кабуру?

Случилось чудо: сеньор Гомера не умер. Старый доктор спас его, вставив пластиковую трубку ему в желудок и выкачав весь оставшийся яд белены. Но сеньор Гомера ослеп на один глаз и почти оглох, а еще утратил способность узнавать своих соседей по деревне. Даже его

жена и маленькая Мария казались ему абсолютно чужими. Он все время ходил по деревне, приподнимая шляпу и вежливо представляясь каждому встречному полным именем своего отца. Он уже ничего не знал о своих помидорах, и, хотя жена терпеливо приводила его на рынок к его прилавку, он категорически отказывался сидеть там в толпе незнакомцев и продавать не принадлежащие ему помидоры.

Каждый день, покончив со своими делами, Мино и Пепе следили за сержантом Кабурой. Наконец они изучили все его привычки и повседневные ритуалы: когда он ходил в туалет, где он мочился, куда клал свое ружье, на какую дырочку отодвигал портупею, смачно отрыгнув после обеда, когда ему звонили с указаниями из районного центра, а прежде всего – когда его навещал Д. Т. Стар с неизменными бутылками «*Old Kentucky Bourbon. Five Years Old*». После этих визитов бутылки пулями вылетали из его окна, а свинья Кабура частенько засыпал тяжелым долгим сном прямо посреди дня в своем кресле в своей конторе, положив ноги на письменный стол. Он спал, открыв рот и громко храпя, слюна стекала по подбородку на рубашку. В этот момент Мино и Пепе могли спокойно перегнуться через окно позади дома и положить муравьев ему на шею. Однажды им удалось запустить за шиворот свинье Кабуре аж пятьдесят три муравья. А проснулся он лишь через час после того, как последний муравей упал ему за шиворот.

Так Мино и Пепе убедились в том, что их план сработает.

Пепе сидел на кладбищенской стене, болтая ногами. Черепаху он одолжил Лукасу. Он с волнением ждал, когда придет Мино. Все случится сегодня. Сегодня деревня освободится от жестокого тирана. Свинья Кабура умрет.

Вчера к нему снова приходил Д. Т. Стар из Компании. После их встречи осталось не менее пяти бутылок «*Old Kentucky Bourbon. Five Years Old*». По всем признакам, Фелипе Кабура заснет глубоким пьяным сном ровно в четверть третьего. Этот сон, не прерванный нашествием муравьев, продлится не менее трех часов.

Мино прибежал возбужденный, краснощекий.

– Пошли, Пепе! Мама Амантея направилась в лавку сеньора Риверы, а папа ушел к автобусу с ящиком бабочек!

Пепе аккуратно слез со стены, подхватил костыли и поспешил за Мино, тот бежал чуть впереди. Так началась первая фаза их грандиозного плана, который им только предстояло воплотить. Мальчики пришли в жестяной сарай Себастьяна Португезы.

– Вот она, Пепе! Бутылка с этилацетатом! Смертельным ядом, в сто раз опаснее, чем яд белены.

Мино показал на бутылку, стоявшую на балке под крышей.

Он проворно залез наверх и достал бутылку. Затем выбежал из сарая и вернулся с большой круглой жестяной банкой с крышкой. Сверху на ней лежала желтая тряпка, которая когда-то была рубашкой Себастьяна Португезы.

Осторожно, с большим почтением Мино открутил крышку бутылки. Пепе, широко распахнув от ужаса глаза, отпрянул. Затем Мино отлил в банку с тряпкой достаточное количество жидкости. Он зажал нос и поспешил закрыть банку крышкой. Потом он залез и поставил бутылку на место.

Первая фаза плана была проведена успешно, оставалось лишь спрятать банку с Каплями Смерти в надежном месте и дожидаться двух часов дня.

День тянулся для Мино и Пепе очень долго. Им обоим казалось, что стрелки на часах церковной башни замерли. Мино поймал всего двух бабочек и не смог заставить себя жевать скорлупу кокоса. Без пятнадцати час пришла мать Пепе и хотела отправить его в джунгли искать дикую репу. Пепе отвертелся, сказав, что сегодня нога у него болит особенно сильно, поэтому будет лучше, если он спокойно посидит возле кладбищенской стены, наблюдая за муравьями.

Как только часы пробили час, из окна кабинета свиньи Кабуры вылетела первая бутылка «*Old Kentucky Bourbon. Five Years Old*», она угодила в голову случайно проходившей мимо старой Эсмеральды.

Джунгли вплотную подступали к задней части дома, в котором размещался кабинет сержанта Кабуры. Мино и Пепе уже заметили, что сюда крайне редко подходили люди, ведь Кабура справлял свои интимные вонючие делишки между двумя кустиками бромелии, к тому же жителям деревни строго-настрого запрещалось приближаться к кабинету сержанта Кабуры ближе чем на десять метров. На задней стороне дома было окно, оно располагалось таким образом, что, протянув руку, можно было почти коснуться волосатой шеи сержанта, когда тот сидел в своем кресле.

Остальные армейцы, их насчитывалось пятнадцать человек, размещались в казарме прямо напротив конторы Кабуры.

Мино и Пепе прокрались между деревьями. Время наконец приблизилось к двум часам. Кроме жестяной банки, которую Мино осторожно держал в руках, у Пепе была с собой палка длиной около двух метров, на ее конце была сделана глубокая зарубка в виде крюка. Мальчики старались не наступать на сухие ветки. Они остановились за огромным корнем метадора.

Они видели Кабуру: он сидел в кресле и клевал носом, а перед ним стояла полупустая бутылка.

Мино и Пепе кивнули друг другу.

Вдруг зазвонил телефон. Сержант Кабура встрепенулся и взял трубку. Они слышали, как он пробормотал что-то невнятное между ругательствами и проклятиями. Наконец он положил трубку на место, схватил бутылку и жадно отпил из нее. После этого он от души отрыгнул и откинулся на кресле, положив свои кожаные сапоги на стол. Он закрыл глаза. На нос ему села муха, но он сдул ее.

Мино и Пепе задержали дыхание и оглянулись. Все шло по плану.

Через пять минут Кабура открыл рот, чтобы воздух свободнее поступал в легкие. Еще через две минуты Мино и Пепе услышали первые раскаты храпа. Через десять минут храп стал громким и ровным.

Пепе задрожал. Ему пришлось отложить костыли и ухватиться за корень дерева.

– Я думаю, у нас ничего не выйдет, Мино! – прошептал он. – Он точно проснется от зловония. Что с нами будет? Бедные мы! Бедная моя мамочка! Бедные твои родители, братья и сестра!

– Ерунда! Не бойся! Свинья Кабура больше не проснется. Вот увидишь.

Мино сжал губы – и тонкое красивое мальчишечье лицо преобразилось. Глаза под темной челкой вспыхнули огнем.

Они подождали еще десять минут. Слюна потекла по подбородку Кабуры. Он глубоко спал. Мальчики прокрались к окну. Вторая фаза закончилась. Начиналась важнейшая, решающая третья фаза. Здесь была нужна аккуратность и твердая рука. Мино и Пепе долго тренировались для того, что им предстояло совершить.

– Дай мне палку, – прошептал Мино.

Пепе протянул ему палку. Мино быстро открыл жестяную банку. Появился резкий неприятный запах. Мино достал пропитавшуюся тряпку, связал ее и прикрепил к кончику палки. Затем он очень осторожно просунул палку в окно над грудью свиньи Кабуры, выше к горлу и подбородку. В нескольких сантиметрах от раскрытого рта сержанта он остановился. Тряпка висела прямо под носом Кабуры.

Мино прислонил палку со своей стороны к подоконнику. Держать ее нужно было очень ровно, не шевелясь. Это было тяжело, Мино быстро дышал. Пепе в ужасе зажал руками рот.

Внезапно Кабура дернулся в кресле. Храп прервала икота. Мино вздрогнул, но отвел палку немного в сторону от лица Кабуры. Подбородок Кабуры слегка завибрировал, храп приобрел высокие тона и превратился практически в свист.

Мино снова поднес тряпку поближе. Теперь до спящего носа и распахнутого рта оставалось всего несколько миллиметров. Мино приходилось сдерживаться изо всех сил, чтобы не выдернуть палку обратно и не убежать. Когда же сдохнет эта свинья? На тряпке было в тысячу раз больше яда, чем на ватке, которую Мино использовал для бабочек.

Вдруг сержант перестал храпеть. Грудь его поднималась и опускалась неровно, толчками. Уже близко. Мино почувствовал, что больше не может держать палку в этом напряженном сосредоточенном положении. Ему нужна была помощь.

– Пе-Пепе! – прошептал он. – Подержи! Ровно! Не двигайся! Так, как мы тренировались. Я больше не могу.

Застыв от ужаса, Пепе взял палку. Напряженный, словно пружина, он перегнулся через подоконник, а Мино немного подался назад.

– Кажется, получается! – восхищенно прошептал он.

В этот момент сержант издал булькающий звук, в панике Пепе попытался вытащить палку. Но руки его не слушались, палка попала в лицо Кабуре, тряпка упала и осталась лежать на носу и раскрытом рту сержанта. Мальчики в ужасе бросились в джунгли. Пепе выбросил палку, а Мино пнул ногой жестяную банку, та ужасно загрохотала. Стуча зубами от страха, мальчики забрались под большой корень и стали ждать судного дня.

Но ничего не произошло. Из кабинета Кабуры на раздалось ни звука, зато они прекрасно слышали кудахтанье ручных краксов у дома сеньора Мукко. А еще клекот тукана на дереве за ними. И жужжание тысячи насекомых. И крики торговцев овощами на площади, зазывающих покупателей. И гул машин Компании вдалеке. В остальном было тихо. Жутковато.

Почти полчаса пролежали мальчики под корнем дерева, прежде чем решились выглянуть наружу. Они взглянули в окно сквозь листву. Они ясно видели шею Кабуры. И его ноги на столе. Он сидел точно так же, как и тогда, когда они в панике убежали. Вот только храпа не было слышно.

Слишком напуганные, чтобы шептаться, мальчики подобрались поближе к окну. Засунув голову в окно, Мино тут же вытащил ее обратно, от заполнявшей комнату вони его затошнило. Он зажал нос пальцами и заглянул внутрь еще раз. Тряпка так и лежала на носу сержанта. Кабура не двигался и не дышал! Его грудная клетка застыла, Мино заметил, что кожа на лбу и носу посинела. Руки сержанта, до этого прижатые к груди, безвольно свисали до пола. Они тоже были синими.

Мино повернулся ко все еще дрожавшему Пепе.

– Мертв! – сказал он громко. – Свинья Кабура мертв. Мы его убили.

Теперь и Пепе отважился взглянуть внутрь. Он серьезно кивнул Мино.

Они убили свинского сержанта Фелипе Кабуру!

Мальчики уселись под окном и стали возбужденно обсуждать, какие же они молодцы. Они осыпали друг друга похвалами. Каждое движение, которое они совершили ради осуществления плана, имело огромное значение. Как твердо держал Мино палку в первые минуты! Как удачно Пепе накрыл тряпкой рот и нос свиньи Кабуры, прежде чем они удрали в джунгли! Как терпеливо они выждали удачный момент! Они совершили настоящий подвиг! Они с легкостью лишили жизни жестокого тирана. Видел бы это сеньор Гонза! Которому сержант Кабура размозил голову прикладом. Был бы здесь сеньор Тико! В которого армейцы Кабуры всадили восемнадцать пуль. И сеньор Гомера! Которому пришлось съесть ядовитые растения, из-за чего он считал себя собственным отцом и никого не узнавал. Знали бы они, чего добились Мино и Пепе!

Они отомстили. Мальчики благоговейно перекрестились и поблагодарили Святую Деву и покровителя деревни за мужество, данное им.

Целый час они просидели под окном, болтая, пока яд из тряпки не испарился, а тело свиньи Кабуры не застыло. Потом Мино пролез в окно и снял тряпку с лица сержанта. Когда он увидел глаза Кабуры, мурашки побежали по его телу. Зрачков видно не было, глаза напоминали яичный белок.

Никаких следов. Никто ничего не узнает. Их подвиг должен остаться тайной навеки.

Остаток дня Мино и Пепе провели, играя с Лукасом и черепахами. Мальчики нарисовали им на панцирях забавные рожицы, лица жителей деревни. И хохотали до икоты.

Прямо перед сумерками радостная новость разлетелась по деревне: свинский сержант Фелипе Кабура упился до смерти «*Old Kentucky Bourbon. Five Years Old*». Во многих домах эту новость отметили щедрым стаканом тростникового самогона. А когда отец Макондо зазвонил в церковный колокол, возвещая смерть, многим показалось, что даже в колокольном звоне слышались оттенки ликования.

Но, избавившись от безжалостного сержанта, деревенские жители ненадолго почувствовали облегчение: через неделю после его смерти сержантом назначили Питрольфо с бычьей шеей. Его жестокость была всем известна.

К тому же в течение следующих недель произошло несколько тревожных событий, которые привели к тому, что деревенские старейшины не сомневались: грядет Судный День, и не только для их деревни, но и для всего мира.

Прежде всего это касалось Д. Т. Стара и Компании. Вырубались всё новые участки джунглей, нефтяные вышки появились в опасной близости от деревни. Делегации протестующих ездили даже в районный центр, но результата не добились. Американцы имели право добывать нефть в любом месте принадлежащего им участка страны. Об этом президент заключил очень важное соглашение. Кабокло, полуиндейцы и индейцы не имели особых прав на землю и лес. Впрочем, им могли предоставить работу в небольших городах, которые появились по всей стране. Об этом делегации сообщили в районном центре.

Да и *асьенда* дона Эдмундо в саванне. Некоторые жители деревни получали там работу, пусть и сезонную. Да, постепенно ее становилось все меньше, потому что машины отвоевывали свое место, но было хотя бы что-то. А теперь все замерло. Дон Эдмундо перестал возделывать землю. Заработанные от продажи земли деньги он вложил в экскаваторы, грузовики и бульдозеры. Его сыновья стали инженерами. Строили новую современную дорогу между нефтяными скважинами и районным центром. Выращивать зерно и заниматься скотоводством стало немодно.

В результате потерявшие работу крестьяне пришли в деревню: захватили площадь, дрались, пили и играли в кости. Многие из них вели себя весьма агрессивно, они хотели подбить жителей деревни восстать против дона Эдмундо и Д. Т. Стара. Они громко говорили о *el socialismo*. Немногие в деревне понимали смысл этого слова, лишь сеньор Гомера от лица своего отца объявил себя социалистом. Поэтому он ежедневно здоровался за руку и представлялся каждому из сидящих на площади крестьян.

В результате этих событий сержант Питрольфо получил подкрепление: теперь в деревне размещалось не менее тридцати армейцев. Все стало только хуже, рынок и площадь постоянно патрулировали, к тому же армейцы имели право досмотреть и обыскать любого человека, от старой Эсмеральды до отца Макондо.

Можно было бы ожидать, что приток новых жителей подстегнет торговлю и улучшит благосостояние деревни. Но, к сожалению, случилось ровно противоположное: у крестьян было мало денег или их не было совсем, так что они либо крали еду на рынке, либо выпрашивали ее. Возле прилавков торговцев овощами теперь нельзя было разжиться даже скорлупой кокоса. Что же касается армейцев, их снабжала американская лавка Д. Т. Стара или районный центр.

Деревенские жители испытали облегчение, когда в один прекрасный день на площадь выехали четыре пустых военных автобуса, и армейцы с силой затолкали в них всех крестьян. Их депортировали в районный центр, там, по слухам, они должны были постепенно прижиться и найти себе законную и полезную для общества работу. Под крики и ругань автобусы отъехали, а из открытых окон высовывались кулаки и слышались восклицания: «*Viva la revolucion!*»⁸

Поразительно, но многие, в том числе Себастьян Португеза, сеньор Мукко и старый Олли Оккус, заметили, что кулак отца Макондо сжался, а его губы ответили: «*Viva la revolucion!*»

Через несколько недель после депортации крестьян произошло нечто такое, что действительно переполнило чашу терпения жителей деревни: Д. Т. Стар въехал в деревню с восемью грузовиками, двумя бульдозерами и экскаватором. Прямо возле деревни, а точнее, прямо посреди урожайных помидорных грядок сеньора Гомеры, которые плодоносили только благодаря тому, что сеньора Гомера продолжала выращивать их так же, как до этого делал ее муж, то есть используя ядовитую белену, собрались построить нефтяную вышку. В тот вечер, когда это стало известно, отец Макондо созвал всю деревню на мессу, на очень важную мессу, объявил он, где он произнесет речь.

В церкви не осталось ни одной пустой скамейки. Люди сидели в проходах и вдоль стен. Отец Макондо сказал:

– Наше будущее теперь находится не только в руках Всемогушего Бога Отца Нашего, но и в наших руках. Мы пытались, мягко и вежливо, мы молили власти о помощи, но все напрасно. Мы босыми ходили на поклон к дону Эдмундо, к его сыновьям, к Д. Т. Стару, к Компании. Нас прогнали, нас втоптали в пыль, словно вредоносных насекомых, на нас наплевали, нас презирали. Разве мы когда-либо плевали на кого-то? Разве мы презирали и издевались? Спросите свое сердце, оно ответит вам. На протяжении многих поколений наша деревня вела мирную жизнь. Мы не были богаты, но от бедности никто не умирал. В городах, куда нас выселят, люди мрут от голода как мухи. Люди болеют, но больницы не принимают бедняков, у которых нет денег. Каждый день американцы возводят все новые нефтяные башни в нашей провинции. Нефть струится из нашей земли. Но никто из сидящих здесь не может напиться или наесться этой нефтью. Однако ее продают за большие деньги. Эти деньги получает Компания и отправляет в Северную Америку. Там они строят дома, поднимающиеся до самых небес, машины, которые продают богачам в нашей стране. Из-за нефти, которая совсем скоро хлынет на грядки сеньора Гомеры, поедет много автомобилей, но еще больше детей заплачут от голода. Где же Божья справедливость? Божья справедливость – *в наших руках*. С этого дня Он наделил нас великой ответственностью: раньше мы могли довольствоваться тем, что думали у себя в голове. Теперь же нам нужно думать вне головы. На земле, в горах, в джунглях живут потрясающие, удивительные создания. Большинство из них живут осмысленной жизнью. Даже гиена может доверять своей матери. Мы не можем доверять правительству, не можем доверять армейцам, нам нечего ждать от сеньора Детестара. Сегодня нам нужно обратиться к самим себе и задать себе вопрос: есть ли у нас новый путь? Какие мысли рождаются за пределами головы? С сегодняшнего дня все будет иначе. Вернемся ли мы когда-нибудь к нормальной жизни – зависит от каждого из нас. Да обратимся же ко Господу и преклоним колени перед Богородицею! Помогите нам о даровании силы. Силы не для того, чтобы смириться с презрением и издевательствами. Силы для того, чтобы плюнуть в ответ. – *«И увидел Господь, что велико развращение человеков на земле, и что все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время; и раскаялся Господь, что создал человека на земле, и восскорбел в сердце Своем»*⁹.

⁸ Да здравствует революция! (исп.)

⁹ Бытие, 6:5–6.

Речь отца Макондо благоговейно обсуждали группами возле кладбищенской стены. Мужчины собрались в отдельные кружки. Чудесным образом появились двое крестьян. Они сумели ловко избежать депортации. Марио и Бенедикто, приятные молодые люди, которые никогда не ссорились с местными жителями. Марио встал рядом с сеньором Фрейтасом, Луисом Энкатором, сеньором Мукко и еще четверьмя подростками. Бенедикто оказался в группе с сеньором Риверой, Себастьяном Португезой и беззубым Эусебио. Они перебивали друг друга, но смысл их высказываний был один и тот же: своей пламенной речью отец Макондо хотел сказать, что мужчинам пора перейти к действиям. О том, как именно нужно было действовать, мнения разошлись.

Постепенно две группы мужчин объединились, и для того, чтобы привести в порядок мысли и идеи, сеньор Ривера пригласил всех в свою лавку. После того как двадцать три мужчины набились в маленький магазинчик, двери предусмотрительно заперли на засов. Сквозь щели стен не просочился бы ни один звук.

Мино и Пепе, разумеется, были в церкви и всё слышали. Теперь они сидели в полутьме на камнях у запруды, в секретном местечке Мино, и водили веточкой камыша по воде. Жизнь в деревне совершенно не улучшилась после того, как они убили свинью Кабуру, так что не проходило ни дня, чтобы они не напоминали друг другу о своем подвиге. Это был настоящий подвиг, никаких сомнений. Пепе на полном серьезе заговорил о том, чтобы убить и свинью сержанта Питрольфо, а еще самого Д. Т. Стара, и парочку-тройку армейцев, но Мино не подержал его. Появятся новые армейцы, сержанты, хуже прежних, а уж сколько *jefe* водится в Северной Америке, которые заменят Д. Т. Стара! Точно больше десятка, решил Мино, никакого этилацетата не напасешься.

– Уже завтра бульдозеры уничтожат грядки сеньора Гомеры, – сказал Пепе.

Мино кивнул, но внезапно его глаза вспыхнули.

– Бульдозер, конечно! – воскликнул он. – Можно же убить бульдозер!

Пока мужчины спорили в лавке сеньора Риверы, Мино и Пепе под покровом ночи подползли к жуткой машине, которая должна была уничтожить прекрасные грядки помидоров. Четырнадцать горстей земли закинули они в бензобак, не оставив за собой никаких следов. Все следующие недели в деревне царило небывалое настроение. Внешне все было как обычно: торговцы овощами зазывали покупателей на площади, сеньор Мукко кормил своих ручных краксов, а сеньор Ривера торговал разными разностями в своей лавке. Малышня подбирала скорлупу кокосов, а женщины носили таро в подолах широких юбок. Но куда, например, подевались Луис Энкатор, Себастьян Португеза и крестьянин Бенедикто за три дня до того, как рухнул мост через большую реку? А ведь этот мост специально укрепляли, чтобы по нему проезжал транспорт к нефтяным месторождениям. И зачем однажды вечером сеньор Ривера и Марио крались через лес к американской лавке и лавке Д. Т. Стара? И зачем сеньор Фрейтас взял с собой топор в три часа ночи?

Можно задать и другие вопросы: почему американцам не удалось завести ни бульдозер, ни экскаватор, которыми они собирались уничтожить грядки сеньора Гомеры? Куда подевались все ящики с инструментами, предназначенными для возведения нефтяных вышек и починки оборудования? Почему дорогу в районный центр постоянно заваливало камнепадом? Как мог рухнуть новый мост через реку? Почему грузовики и джипы постоянно глохли? Почему на том холме, где раньше росли магнолии и лавровые деревья, упали две нефтяные вышки? Почему сгорела дотла частная лавочка Д. Т. Стара? Откуда взялись все эти термиты, которые за несколько дней разрушили казарму армейцев? Почему однажды ночью взорвался кабинет сержанта Питрольфо и склад оружия армейцев, размещавшийся в том же доме?

Конечно, можно было задаваться этими вопросами, но факт оставался фактом: через месяц после того, как Д. Т. Стар приехал возводить новую нефтяную вышку прямо посреди

томатных грядок сеньора Гомеры, сеньора Гомера продолжала приносить на рынок корзины с вкуснейшими помидорами.

За несколько недель до того, как Мино исполнилось одиннадцать лет, Амантея Португеза внезапно улыбнулась, выставляя на стол перед мужем и старшими сыновьями похлебку из чили и риса.

– Кажется, я немного недосолила, – сказала она ясным чистым голосом.

Мино и Сефрино откинулись на спинки стульев, удивленно уставившись на мать, ведь уже много лет она не произносила ни одного связного предложения. Не говоря уж об улыбке!

Себастьян Португеза вскочил со стула и упал перед женой на колени. Из его глаз лились слезы, он шептал:

– Матерь Божья, ты услышала мои молитвы! Благодарю тебя! Амантея, моя любимая Амантея, прекрасная моя жена!

– Ну же, Себастьян, как ты себя ведешь? Садись и ешь!

Так обедать Мино еще не приходилось. Позвали Ану-Марию, которая развешивала белье за домом, Сефрино ринулся за малышом Теофило, игравшим возле кладбищенской стены. Он даже испугался, когда услышал, как она говорит, ведь он не слышал ее голоса с тех пор, как ему исполнился год. Амантея говорила так, словно это было совершенно обычным делом, словно ни минуты своей жизни она не провела в молчании. Казалось, она даже не понимает, из-за чего поднялся такой шум и что они отмечают во время самого обычного обеда.

Скоро вся деревня узнала, что Амантея Португеза снова заговорила и заулыбалась. Многие восприняли это как добрый знак.

Cerrillo, кабан-пекари, хрюкал в кустах, Мино видел, что он рыл яму под корнем величественного дерева метадор. Мальчик отложил в сторону сачок для ловли бабочек и присел на упавшую ветку. Было бы у него с собой ружье! Он бы подстрелил этого кабанчика! Ох, сколько бы вкусного мяса было бы в маминой похлебке! Мино почувствовал, что у него свело живот от голода. Он привык не наедаться. Но легко представлял себе, как здорово было бы набить пузо до отвала и сытно рыгнуть.

Вот бы отыскать какую-нибудь очень редкую бабочку, такую, за которую отцу дадут много денег! Он был уверен в том, что где-то в джунглях есть такие прекрасные бабочки, о которых не говорится ни в одной книге.

Он посмотрел в свою жестяную коробку. Морфо он сегодня не поймал. Две статиры, ласточкин хвост семейства *Papilionidae*, а еще несколько маленьких, но красивых голубянок *Lycaenidae*. Ничего особенного. Но теперь все стало именно так: после того как бульдозеры уничтожили значительный участок джунглей возле деревни, многие виды бабочек исчезли. Например, прекрасных *Morpho montezuma* он уже почти не встречал.

Сегодня заберусь подальше, подумал Мино. Перейду маленькую речку и пойду в самые джунгли к югу от деревни, раз в год в сезон дождей эту часть полностью затапливает. Поэтому туда невозможно пробраться. Там нет тропинок.

Мино подошел к речке. С этими местами он был хорошо знаком. Он перешел реку безо всяких проблем. Потом достал перочинный ножик и нарисовал большой крест на стволе дерева.

Осторожно пробираясь по затемненным душным джунглям, Мино не забывал отламывать ветки у деревьев или делать отметки на коре. Он боялся заблудиться. Иногда он останавливался, разглядывая кроваво-красный страстоцвет на кусте или кринум необычного цвета. Он с удивлением рассматривал пеперомию, элегантно задрапированную своими зелеными листьями голый ствол. Она укоренилась высоко в ветках дерева. Мальчик осторожно погладил липкий круглый шарик в сердцевине цветка глицинии. Сколько всего красивого! Сколько всего нового!

Слева от него между ветками пролетела желто-красная бабочка. Мино взмахнул сачком и – оп! – она попалась! Это была редкая *геликонид*. Почти сразу за ней он поймал двух *итомин* с прозрачными крылышками. Потом он подобрался к морфо и схватил ее, но, к сожалению, серьезно повредил одно крылышко. Жаль, эта бабочка относилась к подвиду *peleides*. Он долго простоял под деревом, слушая перекрикивание хоацинов, такое забавное, что Мино рассмеялся.

Вдруг прямо перед ним вспорхнула большая сине-желтая бабочка. Она быстро махала крылышками, мелькая между ветками и листьями. *Парусник*? Ласточкин хвост? Нет, не подходят по цвету. Мино задержал дыхание и почувствовал, как чаще забилось сердце, он внимательно следил за полетом бабочки. Он никогда не видел такую, по крайней мере, живьем. Он начал охоту.

Три раза он промахивался, бабочка молниеносно меняла направление движения. В последний раз, когда она упорхнула вглубь джунглей, он решил, что упустил ее, но внезапно она повернула обратно и полетела прямо на него. Мино захватил азарт, он не видел ничего вокруг, кроме этой бабочки, он должен был поймать ее во что бы то ни стало.

Наконец она уселась на кустик. Мино незаметно приблизился. И накрыл ее сачком.

Изможденный, он сел на траву и принялся разглядывать чудо: бабочка потеряла сознание, после того как Мино придушил ее. Бабочка лежала у него в руках, свернув крылышки. Умелыми движениями пальцев, осторожно, чтобы не повредить ткани, Мино развернул бабочку. Само совершенство. Синие и красные пятна сливались в причудливый узор. На нижнем крылышке виднелось маленькое красное пятнышко. Никаких сомнений – это парусник, ласточкин хвост. Но такие Мино еще никогда не попадались. Он был уверен, что в руках у него настоящее сокровище. Скорей бы вернуться домой к отцу и поискать ее в книгах!

Мино положил бабочку в коробку, торопясь, чтобы она не очнулась и не улетела.

Рука его покраснела и чесалась. Конечно, ведь он дотронулся до куста мухаре, на котором сидела бабочка. Ничего страшного, Мино смеялся и танцевал, выискивая оставленные метки пути.

Ему показалось, что он уже почти дошел до реки, и вдруг над верхушками деревьев он услышал страшный гул. От шума заложило уши, внезапный сильный ветер зашевелил листву на деревьях и растрепал волосы Мино. Мальчик зажал уши руками. Он посмотрел вверх и увидел прямо над кронами деревьев три вертолета. Они были тех же цветов, что и форма армейцев: бордово-желтые. Направлялись они к деревне.

Добравшись до речки, Мино понял, что вертолеты сели. Мино застыл в нерешительности и прислушался. В его груди шевелился неопределенный страх. Было тихо, слишком тихо. Внезапный сильный шум напугал даже птиц и зверей джунглей.

Мино нашел у реки камень и присел на него. Опустил зудящую руку в теплую воду. Стало легче. Но ему было холодно; он сам не знал почему, но весь дрожал от холода.

Вдруг он услышал выстрелы. Сначала одинокие. А потом целую серию. Потом все затрещало и слилось в единый звук; Мино услышал взрывы и тяжелые раскаты. Он сжал зубы и уставился на свое отражение в воде, оно покачивалось: четкое, нечеткое, четкое, нечеткое. Внезапно он обратил внимание на что-то необычное: отражение изменилось, он наклонился поближе, чтобы рассмотреть его. Сначала он не поверил тому, что увидел, протер глаза и посмотрел еще раз. Но это было правдой, точной, четкой. Вода была абсолютно спокойной. И Мино улыбнулся странной улыбкой, она появилась из такого закутка его души, о существовании которого он и не догадывался.

Наконец выстрелы и взрывы стихли. Но тишина длилась недолго. Вертолеты взлетели и промчались над джунглями, словно ураган. Они долго кружили над деревней, а потом исчезли так же, как и появились. Мино встал с камня у берега реки.

Он медленно брел по тропинке сквозь джунгли. Лишь один раз он остановился и открыл свою жестяную коробку. Прекрасная бабочка лежала там во всей своей цветастой красоте.

Увидев нефтяные вышки, Мино почувствовал запах гари. А еще едкий резкий запах пороха. А потом увидел дым. Он шел от деревни. Черный, страшный дым поднимался над кронами деревьев. Мино побежал, сначала медленно, а потом все быстрее и быстрее.

– Папа! – закричал он.

– Мама! – закричал он.

От церкви остались лишь дымящиеся развалины. У остатков стены Мино увидел истерзанное тело отца Макондо. Голова была размозжена. Чуть дальше в луже крови лежал старик Эусебио. Лукас и Пепе. Они лежали спокойно, глаза и рты распахнуты. Черепаха с раздробленным панцирем барахталась под окровавленной шеей Пепе.

Мино заплакал.

Повсюду лежали мертвые, изрешеченные пулями люди. Рыночная площадь была полностью разрушена, дома вокруг нее превратились в дымящиеся руины. Кровь, кровь, кровь, кровь повсюду.

– Мама! Папа!

Мино бежал изо всех сил, крича и рыдая. Дом сеньоры Серраты уцелел. А вот, вот и его дом, свежая побелка, синие наличники на окнах. Обогнув пристройку, он замер: на пригорке прямо перед ним лежала его сестра-близнец Ана-Мария с малышом Теофило на руках. Они лежали спокойно в неестественных позах. Над правым глазом Аны-Марии зияла круглая дыра. Вокруг рта Теофило была кровь. Маленькая грудь не двигалась. В этот момент Мино перестал плакать.

Он нашел Сефрино, мать и отца перед открытой входной дверью. Они лежали в огромной луже крови, уже высыхающей. Полчища мух вились над растерзанными телами. Правая рука отца продолжала сжимать левую руку Сефрино. Рядом с ним лежала дощечка с незаконченной гигантской серой арганте.

Мино лег на землю и на четвереньках пополз к кровавой луже. Добравшись, он лег в нее лицом. Так он пролежал довольно долго, задержав дыхание. Но умереть не смог.

Он встал и смахнул с ресниц запекшуюся кровь.

И тут он увидел.

Увидел четко и ясно: кровь вокруг него была не красной. А белой. Белой, как ядро кокоса.

И Мино побежал в джунгли. Проскочил маленькую речку, пробежал мимо деревьев, на которых несколько часов назад сделал пометки. Он бежал, он шел. Стемнело, и он улегся под корнями дерева метадор.

Белая кровь – белая, как ядро кокоса.

Глава 2. Черный дым из круга факира

Всю ночь и весь следующий день Мино пролежал под раскидистым метадором. Он не спал, но и не бодрствовал. По спине его бегали муравьи, крохотные мушки заползали в глаза. Лежа на сырой траве, он весь промок и раскашлялся.

На следующую ночь он услышал голос отца, рассказывающий сказку о могущественном вожде племени обохо Таркентарке и бабочке Марипосе Мимосе. И он заснул надолго с улыбкой на устах. Проснувшись, он сразу же вспомнил о том, что увидел в отражении воды в реке.

Он заполз поглубже под дерево. Стайка гоацинов весело стрекотала наверху, а с ветки прямо над ним, склонив голову, на него смотрел красноголовый дрозд. Лучи утреннего солнца пробивались сквозь листву и серебряными гирляндами рассыпались по полянке.

Мино снял брюки и рубашку и принялся стряхивать с тела и одежды муравьев и других насекомых. Потом он снова натянул на себя мокрую одежду. Он был голоден, ужасно голоден.

Он побрел куда глаза глядят. Не понимая, куда именно идет, Мино старался двигаться прямо, никуда не сворачивая. Когда солнце достигло зенита, он в изнеможении опустился на упавшую ветку какого-то дерева. Так он сидел, уставившись на траву. Джунгли тесной стеной окружали его со всех сторон.

Потом Мино поднялся и принялся искать пищу под деревьями. Он нашел два плода анноны и дикую репу. Он жадно проглотил ягоды куста локки, невкусные, но неядовитые.

Он брел сквозь джунгли до самого вечера, а картина вокруг него не менялась. Когда стемнело, Мино забрался на большое дерево и пристроился между двумя ветками. Он проспал всю ночь напролет – тяжелым, вязким сном без сновидений.

На следующий день Мино нашел кокосовую пальму, забрался на нее и сбросил на землю несколько орехов. Он разбил их камнем. Кокосовое молоко и жирная питательная мякоть придали ему сил. Он снова отправился в путь. Снова забрался на дерево, чтобы переночевать. И даже не заметил пятиметровую змею, прошелестевшую по ветке прямо над его головой.

Пять дней спустя худощавое мальчишечье тело настолько вымоталось и измучилось от влажности и полутьмы джунглей, что Мино скорее полз, чем шел. Он не заметил, что трава под ногами стала суше. Не отдавая себе в этом отчета, последние несколько часов мальчик шел по некоему подобию протоптанной тропинки. Сил забраться вечером на дерево у него не хватило. Он упал на траву еще до того, как перестали петь цапли.

– Да, да, Президент Пинго, скорей бы уже тропинка превратилась в настоящую дорогу! Я вижу, мухи все глаза тебе залепили!

Лавируя между деревьями, по едва видимой тропинке верхом на муле ехал чудоковатый персонаж. На нем было широкое черное пончо, а на голове – огромная соломенная шляпа диаметром не меньше метра. На ногах – необычные сапоги с загнутыми высоко вверх носами. На кончике загнутого носа черных сапог торчал красный бантик. Под тенью соломенной шляпы виднелось морщинистое, обветренное, но отнюдь не старое лицо. Несмотря на морщины, черты его лица были мягкими и чистыми, и лишь тщательная ухоженная козлиная бородка ярко-рыжего цвета мешала увидеть в его чертах рано повзрослевшего ребенка.

Мул вез очень необычный груз. Из-за седла торчали какие-то длинные жерди, постоянно цеплявшиеся за кусты и заросли. На шее мула висели два круглых мешка. А по всему телу несчастного животного болтались коробочки и мешочки самых разных форм и размеров. К передним ногам мула были привязаны гладкие металлические шарики, позвякивающие и гремящие при движении. Все это цветастое богатство скорее увидишь на карнавале, а не в джунглях.

– Водички Президенту Пинго, водички папе Маджико! – незнакомец элегантно спрыгнул со спины мула и снял одну из фляжек, свисавших с бока животного. Он вставил горлышко сосуда в рот мула, тот повернул голову и отпил.

– Хе-хе, – пробормотал он. – Умница. Умница Президент Пинго! Вот так.

Мужчина снял еще одну флягу и сделал жадный глоток. Затем он стряхнул несколько упавших листочков со своего широкого черного пончо и снова забрался на мула. Путешествие сквозь дебри продолжилось под неумолкаемую болтовню незнакомца.

Дорожка выровнялась, мужчина на муле снял широкополую шляпу и вытер с лица пот. По плечам рассыпались сверкающие каштановые волосы. Элегантно и с большим достоинством он собрал их в пучок, поместившийся под просторной шляпой.

– Ой, Президент Пинго! Что это у нас здесь?

Мужчина остановил мула.

Прямо перед ним на тропинке, вытянувшись на животе, лежало маленькое худенькое тельце. Вся одежда превратилась в лохмотья, свисавшие по бокам. Лицо было скрыто под ладошкой, но мужчина на муле заметил, что худенькое тельце содрогалось от конвульсий.

– Ой, что же за подарок преподнесли нам джунгли, а?

Мужчина слез с мула и опустился на колени возле ребенка.

– О, это же маленький мальчик, да, правда, маленький мальчик, заблудившийся в джунглях. Нет, нет, нет! Посмотри-ка, что это у него в руке? Жестяная коробочка? А что же в коробочке? Можно ли папе Маджико взглянуть?

Мужчина достал коробочку, зажатую в правой руке мальчика, и открыл ее. Сначала он почувствовал резкий неприятный запах, а потом увидел бабочек. Одна из них была большой и необычайно красивой. Сине-желтая с красными пятнышками на нижних крылышках.

– Подумать только, Президент Пинго, кого же мы нашли? Заблудившегося собирателя бабочек. А ведь до ближайшей деревни очень далеко! Что же нам с ним делать? А, Президент Пинго?

Мул заревел, обнажив зубы.

– Именно так, Президент Пинго.

Мужчина снял с себя пончо и расстелил его на траве. Под пончо у него оказалась белая рубашка с фиолетовым галстуком, фиолетовый жилет с золотой вышивкой и желтый пояс. Он осторожно перенес мальчика на пончо. Перевернул его на спину. Тело мальчика свела сильная судорога, но глаза он не открыл. Бледные губы опухли и потрескались.

– О, какой же он худой, этот маленький *nino*. Видимо, уже несколько дней не ел. *Tortillas!* Как ты думаешь, Президент Пинго, помогут ли нам тортильи с перченым мясом от папы Маджико? И немного воды? Да, да, теплая вода будет весьма кстати!

Мужчина снял с мула еще несколько вещей и разложил их на дорожке. Он нашел тряпку и вылил немного воды из фляги на лицо мальчика. Затем осторожно вытер его. Несколько капель воды из тряпки он аккуратно выжал в рот мальчику. Тот застонал и заворочался. Потом открыл глаза.

Сначала Мино увидел большую шляпу, заслонявшую солнце. Потом лицо с добрыми карими глазами, окруженными морщинками улыбки.

– *Bom dia!* – сказала улыбающееся лицо. – Уже давно утро, солнце близко к зениту. Не голоден ли маленький сеньор Марипоса? Посмотрим-ка, что тут припасено в кожаных мешочках у папы Маджико?

Он открыл один из мешков и аккуратно достал стопку тортилий. Тортильи были проложены тонким слоем перченого мяса. Мужчина положил еду возле головы Мино.

Мино удивленно моргал, приподнимаясь на локтях. Вид прекрасной еды заворочил его, на мгновение он забыл обо всем вокруг. Он жадно схватил тортилью и судорожно затолкал ее в рот. Потом еще одну. И еще. Выпил воды из протянутой мужчиной чаши. Наконец Мино

наелся и со стоном упал обратно на пончо. Тут он увидел свою жестяную коробочку, лежащую возле него. Он быстро схватил ее и засунул поглубже в карман.

– Вот так, вот так, ну что, сеньор Марипоса, наелся? Но спать-то больше не хочешь? Может, расскажешь мне и Президенту Пинго, кто ты такой и откуда здесь взялся? А еще было бы неплохо поблагодарить за еду?

Мужчина прижался губами к маленькому бочонку с вином и сделал пару больших глотков.

– *Muchas gracias!* – прошептал Мино.

Он еще немного полежал с закрытыми глазами, прислушиваясь к приятному бурчанию в животе. И тут осенило: назад, в разоренную деревню, где все погибли, он не вернется. Там сейчас только армейцы. И Д. Т. Стар со своими американцами. А что если этот удивительный человек поведет его именно туда? Может быть, он сам направляется в деревню? Что ему говорить, что рассказать?

– *Muchas gracias, señor!* – повторил Мино, присаживаясь.

Он поджал под себя ноги, пытаясь скрыть самые большие дыры в штанах. Нашедший его господин был элегантно, хотя и весьма необычно одет. Конечно, он не захочет таскать с собой такого оборванца. Через мгновение он соберет свои вещи, сядет на мула и поедет дальше. А Мино останется один в джунглях. С набитым животом несколько дней он еще продержится.

– Да, да, Президент Пинго, – сказал мужчина, обращаясь к мулу. – Сеньор Марипоса, видимо, не хочет с нами разговаривать. Может, папа Маджико такой страшный? Может быть, прекрасный юноша боится нас? Но ведь он не может вернуться в джунгли, не так ли?

«Сеньор Марипоса», подумал Мино. Почему он так меня называет? И тут он вспомнил о жестяной коробочке у него в кармане. Конечно, мужчина открыл ее и посмотрел на то, что внутри. И увидел ту прекрасную незнакомку... Мино почувствовал укол в груди и ощутил, как сжимается в горле комок.

– Señor. Mu-muchas gracias, – пробормотал он в третий раз.

– Какой вежливый юноша, надо же. Уже в третий раз благодарит нас за еду!

Мужчина подмигнул и улыбнулся Мино. Он понимал, что мальчика одолевают неприятные мысли.

– Смотри-ка! – внезапно сказал он, и в руке у него сверкнула монетка.

Мино смотрел. У мужчины были длинные, мягкие, красивые ладони.

Мужчина зажал монетку между большим и указательным пальцами одной руки. Потом перебросил ее в другую и тут же сжал кулак. Затем он пробормотал какие-то необычные слова, покрутился вокруг себя, наклонился к Мино и раскрыл ладонь. Пусто. Монетка исчезла. Он протянул вперед обе ладони, покрутил их в разные стороны, монеты нигде не было.

Мино не мог поверить своим глазам. Куда же она подевалась? На пончо она не упала, он был в этом уверен.

– Исчезла, а? Совсем-совсем, хе-хе. А не проверит ли сеньор Марипоса свой карман? Нет, не тот, в котором лежит коробочка, а другой.

Мино недоверчиво опустил руку в карман. Его карман? Неужели мужчина решил, что перед ним вор, способный взять у другого серебряную монету и засунуть себе в карман? Но мужчина улыбался, значит, все это только шутка. К тому же никакой монеты у него в кармане точно нет. Да и никогда в жизни не водилось у него серебряных монет.

Его рука нащупала что-то гладкое и круглое. Ужаснувшись, Мино достал из кармана монету. Она была точно такой же, какую секунду назад держал в руке мужчина! Словно обжегшись, Мино выронил монету на пончо.

– Хе-хе-хе. Сеньор Марипоса хочет заплатить за свой обед. Спасибо, спасибо. Вот только угощение папы Маджико стоит дорого, очень дорого. Один обед – *три серебряные монеты*, хе-хе! Нет ли у тебя еще монеток в кармане, а?

Мино по-настоящему испугался и вывернул карман. Из него выпали еще две серебряные монеты, точно такие же, как и первая.

– *Muy bien, nino*. Ты чего так испугался? Знал бы ты, какой забавный у тебя вид в этой шляпе, хе-хе!

Мино схватился за голову. И правда, на нем была маленькая остроконечная шляпа с забавным узором. Откуда она взялась? Мино серьезно оглядел мужчину в странном костюме, который уселся на пончо рядом с ним. Он выглядел добрым. Глаза хитрые. И Мино улыбнулся.

– Вы фокусник? – сказал он. – Тот, кто колдует, но только не взаправду? Папа рассказывал мне...

Он замолк на полуслове, лицо его снова стало серьезным.

– Папа умер! – твердо сказал мальчик.

– Так-так, значит, твой папа умер, – мягко повторил незнакомец. – Как давно это случилось?

– Мама умерла! А ведь она только научилась говорить и улыбаться! – добавил он.

Мужчина молчал.

– Сефрино умер! Теофило умер! Ана-Мария умерла! Отец Макондо умер! Пепе умер! Лукас умер! Сеньор Ривера умер!

Все новые и новые имена мертвецов, словно из пулемета, вылетали изо рта мальчика.

– Как страшно, – сказал наконец незнакомец.

Он вдруг осознал, что мальчик чудом избежал катастрофы, в которой погибло много людей. В шоке он убежал глубоко в джунгли. Вопрос только в том, что именно за катастрофа произошла с его родными?

– Милый мальчик, – сказал мужчина и снял с себя огромную шляпу.

Сверкающие каштановые волосы тут же рассыпались по его плечам.

– Скажи мне сначала, как тебя зовут. Я Изидоро, простой несчастный фокусник, брожу по городам и весям.

Увидев прекрасные волосы, переливающиеся, словно золото, и лицо, черты которого проступили совсем ясно в солнечном свете, Мино внезапно успокоился. Он понял, что этот мужчина не причинит ему зла.

– Меня зовут Мино Ахиллес Португеза, – сказал он.

А потом шепотом, иногда сбиваясь, рассказал о том, что случилось с его родной деревней. Несколько раз Изидоро перебивал его, чтобы восстановить ход событий. Когда Мино закончил, бродячий фокусник узнал все, что произошло в деревне, начиная с того дня, когда голова сеньора Гонзо раскололась, словно кокос, на тележке старика Эусебио, и до кровавой бойни, устроенной людьми на вертолетах всего несколько дней назад.

Изидоро отвернулся. Маленькое, серьезное лицо мальчика, рассказывающего о чудовищной жестокости, производило слишком сильное впечатление.

Внезапно Мино встал. Глаза его горели.

– Я не хочу назад, сеньор Маджико! – закричал он.

– Дорогой мой. Не пугай Президента Пинго. Я иду совсем в другом направлении и никогда раньше не слышал названия твоей деревни, – он откашлялся и продолжил: – И мне бы очень пригодился умелый охотник за бабочками. Богатство мое не велико. Помимо тех трех серебряных монет, которыми ты заплатил за обед, у меня есть еще две. Но у нас есть еда. И кое-какие инструменты. Думаю, вместе мы сможем заработать себе на жизнь, а?

Ему снова пришлось отвернуться от истощенного мальчика. В это мгновение он осознал, что именно означали слова, вырвавшиеся из его уст: он усыновил бездомного сироту. Здесь, в этой стране, просто кишевшей подобными детьми.

Он принялся собирать вещи, разложенные по тропинке, и привязывать их к мулу. Наконец он забросил на плечи черное пончо.

– Итак, сеньор Марипоса. Ну и повезло же Президенту Пинго! Теперь ему не придется тащить на своей спине тяжеленного Изидоро. Залезай ему на спину, мальчик!

Мино замер.

– Я могу пойти пешком, – сказал он.

– Не говори ерунды! Ты достаточно находился за последние дни. Твоему тощему тельцу нужен отдых. А ну залезай!

Мужчина наклонился и отвязал красные банты с носков своих туфель, а потом положил их в карман.

Мино залез на спину мула. И они двинулись сквозь джунгли.

– Изидоро! Вон летит *Morpho menelaus*! Поймать ее?

Мино бежал перед Президентом Пинго с сачком, сделанным из москитной сетки Изидоро.

– Да, лови! Но хватит ли у тебя места в твоей коробочке?

– Для одной хватит! – сказал Мино и побежал за парящей синей бабочкой морфо.

– Видишь эту палочку?

Изидоро достал тонкую маленькую палочку и показал ее Мино. Они остановились на ночлег у небольшого ручейка, и Мино присел у вечернего костра. Гамак, который они с фокусником делили на двоих, висел на дереве.

– Да, – удивленно ответил Мино.

– Я могу превратить ее во что захочу. Смотри!

Изидоро покрутил палочку в воздухе. Внезапно она превратилась в кусок веревки. Фокусник снова покрутил ее в руках, и она вновь стала твердой палочкой. Потом палочка превратилась в связку разноцветных платков. А они – в зеленый мяч. И вдруг в руках у фокусника не стало ни мяча, ни платков, а появилась сверкающая гладкая труба!

Мино смотрел на это волшебство широко распахнутыми глазами.

– Иди сюда! – сказал Изидоро. – Я покажу тебе, как я это делаю. Но сначала ты должен произнести главную клятву волшебников. Она гласит, что ты не должен раскрывать тайны нашего искусства ни одной живой душе. Понимаешь?

– Нет, – ответил Мино и продолжил: – А вы давали такую клятву, сеньор Изидоро?

– Конечно, маленький негодник!

– И как же тогда вы поделитесь этой тайной со мной? Разве я не «живая душа»?

Мино серьезно посмотрел на фокусника.

Изидоро схватился за живот и от души рассмеялся. Он смеялся так сильно, что перекатился на спину, болтая в воздухе ногами.

– Ты-ты... – всхлипывал Изидоро, – и откуда ты такой взялся?! Очень логично, знаешь ли. Да, да, понимаешь, все дело в том, что искусство волшебства можно передать, но только от волшебника – его ученику. Хочешь ли ты стать учеником волшебника?

Мино яростно закивал.

– *Muu bien*, тогда произноси клятву волшебника!

После того как они провели этот весьма торжественный ритуал, костер разгорелся, а джунгли черной стеной сгустились вокруг них, Мино научился фокусу с палочкой, превращавшейся во что угодно.

– Это где-то здесь, – внезапно произнес Изидоро и слез со спины Президента Пинго.

Прошло около месяца с тех пор, как волшебник Изидоро усыновил Мино. Все это время они продирались сквозь джунгли по едва заметным тропинкам. Людей они повстречали лишь дважды; это были индейцы, тащившие огромные тюки с пожитками, перебиравшиеся из одного

места на другое. Они выглядели напуганными и скрывались в джунглях каждый раз, когда Изидоро пытался с ними заговорить.

В последние дни местность вокруг стала значительно более холмистой. Все чаще им приходилось огибать небольшие скалы, а джунгли стали заметно суше. Подходя к развилке дорог, они подолгу стояли, пока Изидоро бормотал что-то себе под нос, шелестя потрепанной книгой в черном переплете. Потом он кивал и выбирал ту дорогу, которую считал правильной.

Сейчас они остановились у подножия высокой скалы, выступающей из джунглей, словно сахарная голова. Изидоро снова открыл свою книгу.

– Иди сюда, Мино! – закричал он.

Мино, увлеченно следивший за полетом прекрасной бабочки *геликониды*, подбежал к Изидоро.

– Смотри! – сказал он и показал на карандашный рисунок в книге. – Похоже?

Мино понял, что на рисунке изображена скала, очень похожая на ту, что была сейчас перед ними. Он яростно закивал.

– Как ты думаешь, почему старый фокусник неделями бродит по заросшим нехоженым тропам, вместо того чтобы спокойно идти по прекрасным дорогам между большими городами, где люди ждут не дождутся его волшебных представлений? Хе-хе-хеммм! – Изидоро загоготал почти как Президент Пинго. – Пойдем-ка присядем вон там в тени, и папа Маджико расскажет тебе историю, от которой уши твои задрожат, словно листья на ветру.

Изидоро расстелил свое пончо, они уселись, и он принялся листать свою книгу. Мино увлеченно следил за его действиями и внимательно слушал его рассказ.

Много лет назад, когда Изидоро был еще начинающим волшебником, в одном городе далеко на западе он услышал удивительную историю. Индейца, который приходился внуком великому вождю, поймали на мелком воровстве. А украл он не что-нибудь, а охапку факелов, предназначенных для карнавала. За эту кражу его приговорили к сожжению на костре, он должен был вспыхнуть, как факел. Индеец совершенно спокойно воспринял свой приговор и лишь попросил разрешения сходить в туалет, прежде чем казнь осуществится. Это было ему позволено. Удовлетворив свою нужду, он вернулся совсем голым, и его тело блестело от жироподобного вещества, которым он обильно намазал всего себя. Несчастного облили большим количеством парафина и подожгли. Говорили, что он горел больше десяти минут. Когда пламя погасло и дым развеялся, мужчина оказался абсолютно невредим. Да, он весь был в саже, но ни одна волосинка не упала с его головы. Он направился к тем, кто вынес ему смертный приговор, и те в ужасе разбежались. А он спокойно ушел.

Сам Изидоро от природы очень любопытен. После долгих кропотливых поисков он наконец отыскал этого индейца. С помощью разных уловок и продуманной тактики ему удалось подружиться с ним. И в конце концов он выведал у него тайну о том, как можно гореть, как факел, и остаться невредимым. Все дело было в масле некоего растения, которым он смазал свое тело. Растение это водилось лишь в одном месте, много тысяч лет назад его посадил там один индеец, спустившийся с гор. Как бы повезло тому волшебнику, который раздобыл бы то самое масло! К сожалению, больше масла у индейца не было, в тот злосчастный день, когда его должны были сжечь, он использовал все, что оставалось в кувшине, передававшемся по наследству в его семье от отца к сыну на протяжении многих поколений.

Но Изидоро не сдался, он расспрашивал и разыскивал, и наконец в руках у него оказалась целая книга описаний, карт и рисунков той части страны и того места, где росли эти деревья.

– Вот эта книга, – Изидоро полистал страницы, – а вот и это место. Минолито, маленький негодник, понимаешь ли ты, что папа Маджико мечтал об этом моменте много лет? Мечтал отыскать это место! Но лишь теперь папа Маджико скопил достаточно денег для того, чтобы отправиться в такое далекое путешествие в эту негостеприимную часть страны.

– Но сеньор Изидоро, – сказал серьезно Мино, – как же выглядит цветок этого растения? Здесь их так много!

Изидоро открыл последнюю страницу своей книги. Там был нарисован большой синий цветок, лепестки которого острыми язычками свисали с мощной желтой сердцевины. Этот цветок не был похож на другие, отличить его было бы несложно.

– Я сейчас же отправлюсь его искать! – Мино вскочил на ноги.

– Нет, остановись, порхающая негодная бабочка! Хе-хе-хеммм, – загоготал Изидоро, явно радуясь энтузиазму мальчика. – Сначала мы найдем подходящее место для лагеря и подготовимся к ночлегу, здесь, знаешь ли, встречаются и оцелоты, и ягуары. Вполне возможно, нам предстоит провести здесь несколько дней. О, великие волшебники, только бы мне отыскать эти цветы! Только бы они не погибли, как погибает все в этой стране, от которой разит мертвечиной!

Мино уставился прямо перед собой.

Он облазил всю гору вдоль и поперек, обыскал все выступы и ущелья. Это была увлекательная охота. Почти такая же, как охота на редких бабочек.

Второй день они находились в пути. Они кропотливо прорубали себе тропинки в джунглях вокруг овальной скалы, весьма внушительной по размеру. Она вздымалась высоко над кронами самых высоких деревьев, а окружность ее превосходила три сотни метров. Но синих цветов с золотой серединкой отыскать так и не удавалось.

В руке Мино зажал маленький прутик. Он колотил им по камням перед собой, чтобы отогнать ядовитых змей, кишевших повсюду. Он добрался почти до половины скалы и шел по небольшому уступу. Внизу у подножия стоял Изидоро и отмахивался от назойливых насекомых своей огромной шляпой. Белая рубашка его покрылась пятнами, но фиолетовый бант по-прежнему был изящно повязан на ней. Иногда Мино становилось смешно, когда он смотрел на этого чудаковатого, но доброго человека, который забрал его с собой из джунглей. Если бы не он, Мино бы умер и попал на Небеса к маме, папе, братьям и сестре, Лукасу, Пепе и отцу Макондо. Мино подумал, что им там вряд ли так же интересно, как ему на земле.

Он замер, разглядывая гору прямо перед собой. Она была абсолютно гладкой. Но что это? Не рисунок ли, нацарапанный на камне? Он провел пальцем по бороздкам и выемкам. Да! Кто-то вырезал рисунок в скале. Лицо какого-то человека и много странных завитков. Кружочки, линии. Какие-то буквы.

– Изидоро! – закричал Мино.

И рассказал ему то, что увидел.

Тот сбросил шляпу на траву и принялся скакать вокруг, словно в причудливом танце.

– Мино! – закричал он, смеясь. – Это здесь! Это то самое место! Именно об этом рассказывали мне индейцы. Цветы! Ты видишь рядом какие-нибудь цветы, Минолито, маленький акробат!

И тут Мино увидел цветы: они были большими, синими, с огромной желтой сердцевинкой. Они заполнили весь уступ скалы!

Мино бросал цветы вниз. Охапку за охапкой. Изидоро строго приказал ему оставить расти несколько из них. Но и так их было предостаточно. Их было так много, что вечером, когда они уселись у костра и принялись выдавливать из них масло в кувшин, тот быстро наполнился, и им пришлось воспользоваться одной из винных бутылок. Но сначала Изидоро опустошил ее содержимое себе в горло.

Масло было вязким и светлым. Оно пахло почти так же, как пахнет жженная скорлупа маниоки, так показалось Мино.

– Посмотрим-ка, хе-хе-хеммм! Все готово для великого испытания.

Руки Изидоро, всегда такие твердые, дрожали от предвкушения.

Он налил на ладонь немного масла и опустил в нее левый указательный палец. Затем достал небольшую горящую палочку из костра. Очень осторожно Изидоро поднес палец к пламени. Он не отдернул ее от боли, но держал прямо в огне. Долго! Затем он упал на спину и принялся хохотать, кататься в экстазе и выкрикивать какие-то непонятные Мино слова. Затем он снял с себя один сапог и натер маслом стопу и волосатую ногу. А когда Изидоро засунул всю ногу в костер, глаза Мино расширились от ужаса.

– Не отужинать ли Минолито и папе Маджико небольшой жареной ногой, а? Хо-хо-хе-хемм!

Наконец он достал ногу из огня, она была цела и невредима. А когда он стряхнул с нее пепел, Мино увидел, что не опалился ни один волосок.

– Вы... вы что-нибудь чувствовали? – пробормотал Мино, не в состоянии поверить в то, что такое возможно, даже с волшебным маслом.

– *Nada*. Ничегошеньки! – улыбнулся во весь рот Изидоро. – Теперь люди увидят величайший *espectáculo* во всем белом свете! Мы разбогатеем, Минолито, вот увидишь! Хе-хе-хеммм!

Мысль о грядущем богатстве не особо занимала Мино, когда он залезал в гамак, готовясь ко сну. Прежде чем заснуть, он подумал о прекрасной неизвестной бабочке, лежавшей в его коробочке. Как бы ему хотелось заглянуть в атлас и узнать ее имя.

– Держи шарик вот так и катай его между средним и безымянным пальцами, туда-сюда, сотню раз, тысячу раз в день, Минолито, чтобы твои пальцы стали мягкими и чувствительными!

Изидоро преподавал Мино ежедневный урок иллюзионизма на обочине дороги у большой сосны, от зеленых веток которой исходил прекрасный аромат. Несколько дней назад они вышли из джунглей и теперь шли по грунтовой дороге, петляющей по низинам и лесистым холмам, к первому городу, где Изидоро собирался устроить свой великий волшебный *espectáculo*. Мино ждал этого с нетерпением, он еще никогда не был в настоящем городе, пусть Изидоро и говорил ему, что этот городок совсем небольшой по сравнению с теми, что ждут их дальше.

Однажды им навстречу выехал джип. В нем было полно армейцев с карабинами наперевес. Мино рванул прочь от дороги и спрятался в глухих зарослях. Изидоро не сразу удалось выманить его обратно, и, конечно, он сразу же заметил следы слез на щеках мальчика.

Мино играл с шариком. Тот крутился туда-сюда между его пальцами. Оказывался то в одной, то в другой руке. Они решили, что Мино будет ассистировать Изидоро во время представлений, но что именно это означало, мальчик не очень понимал. Но, по крайней мере, он знал несколько хитрых трюков, которые показал ему Изидоро и которые ему очень нравились. Он не понимал, почему Изидоро до сих пор не обладает несметным богатством, ведь он умеет так много всего!

Город находился на небольшом холме, дорога к нему широкими петлями вела по окраинам полей. Мино уже заметил церковь и несколько больших зданий. На обочинах, на склонах, валялись горы хлама, пустых бочек от горючего, пластиковые бутылки самых разных цветов, какие-то тряпки, шины и даже целый автомобиль! Они проходили мимо торговцев овощами, кативших свои тележки вверх по дороге или тащивших огромные корзины на головах. Мино было любопытно, где они выращивают продукты, ведь ни одного поля в округе он не видел. Земля была красной, повсюду росли одни кактусы.

На небольшом пригорке рядом с деревней возвышалась высокая башня. Это была не нефтяная вышка, слишком уж высокая и тонкая. На верхушке этой башни что-то вращалось. Но больше всего в глаза бросалась огромная тарелка, закрепленная на штативе возле нее. Она была наклонена наверх, а ширина ее превосходила пять метров. Мино показал на нее Изидоро и спросил, что это такое.

– Американцы, – хмыкнул Изидоро, – и армейцы. Дурацкое сооружение. Приближаться к нему опасно. Как только кто-то чужой подходит, начинает выть сирена.

Город показался Мино очень большим. Там было много улиц и площадей и толпы людей, стоявших группами на тротуаре или бегавших с криками вокруг. Многие дома были раскрашены в яркие цвета, на каждой улице находилось по несколько магазинов. Мино прижался к Президенту Пинго и схватил Изидоро за правую ногу, когда тот уверенно свернул на главную улицу. Он заметил, что многие оборачивались на них и смеялись, но Изидоро не обращал на это никакого внимания. Он молчал и всем своим видом демонстрировал обладание таинственным знанием.

На овощном рынке Мино отпустил ногу Изидоро и остановился, улыбаясь. Здесь были прилавки и тележки. А прямо по центру рос большой платан, вокруг которого сидели старики. Оборванные малыши бегали вокруг, собирая скорлупу кокосов. Все было так похоже на его родные места, что Мино принялся разыскивать знакомые лица. Внезапно он заметил большой дом на краю площади, над которым развевался флаг. Перед домом стояли четверо армейцев с зажатými в руках карабинами. Мино быстро подбежал к Президенту Пинго и спрятался.

– У... у армейцев здесь огромный дом, сеньор Изидоро, – пробормотал он. – Ка-как вы думаете, с-с-сколько у них сержантов, сеньор Изидоро?

Фокусник ласково похлопал мальчика по плечу.

– Не будем думать об армейцах. Пусть эти поросята тебя не беспокоят.

Они привязали Президента Пинго к дереву у здания, которое называлось *cantina*. Изидоро потратил одну из своих серебряных монет, и им дали огромную тарелку дымящегося мяса. Мясо с томатами, луком и перцем чили. И много-много риса. И белый хлеб.

Ночью они спали в *pensao*, пансионате, в маленькой комнатке, где у каждого была отдельная кровать.

На следующий день Президента Пинго определили в стойло. Все инструменты они сложили в комнате. Изидоро взял Мино с собой в город.

– Новая одежда, – больше он ничего не сказал.

Мино купили новую одежду. Красивые красно-белые полосатые брюки, гладкие черные туфли и белую рубашку. Маленький зеленый жилет, и помимо всего этого – белую шляпу с зеленой лентой и плоской тульей.

– Отлично, хе-хе-хемм! – взревел Изидоро. – Теперь ты действительно похож на *ученика волшебника*. На ученика Великого Изидоро!

Мино стоял бледный и серьезный в своем новом обличье. Он прикоснулся к своему жилету. Богат. Он самый богатый человек на земле! Он был похож на молодой стройный бамбук! Никогда в жизни у Мино не было обуви, поэтому он очень старался поднимать подошвы как можно выше.

Затем Изидоро и Мино ходили по улицам, раздавая листовки и развешивая плакаты на деревьях и домах. Плакаты Изидоро изготовил сам, они гласили:

«ВЕЛИКИЙ ВОЛШЕБНИК ИЗИДОРО.

МИРОВАЯ СЕНСАЦИЯ!

Новый сенсационный трюк, которого вы еще никогда не видели, будет показан на площади лас Брухас.

ФОКУСНИК! ЖОНГЛЕР!

Берите стул и приходите.

Представление начинается в семь часов.

5 крузо за взрослого, 3 за ребенка (до 12 лет)».

– А крузо – это сколько, сеньор Изидоро? – спросил Мино.

И Мино прослушал настоящую лекцию о стоимости денег: за серебряную монету, которая оставалась у Изидоро, они получали 50 крузо. Существовали и серебряные монеты побольше, за которые давали 100 крузо. А еще были бумажные деньги стоимостью в 50, 100 и даже 1000 крузо. Но Изидоро не хотел иметь с ними дело: во-первых, вокруг ходило слишком много фальшивых бумажных денег, а различить их было не так просто, к тому же бумажные деньги быстро гнили во влажных джунглях. Мино строго-настрого запретили принимать в оплату за представление бумажные деньги! Ведь именно Мино предстояло обходить зрителей и собирать оплату. Изидоро показал ему, как выглядят различные медные монеты, и научил его считать сдачу. Мино быстро понял систему, к тому же она была довольно простой.

Пока они развешивали плакаты и раздавали листовки, Мино заметил, что вокруг них становится шумно. Целая толпа детей собиралась вокруг них, следя за каждым их движением большими глазами.

– Волшебник! – слышался вокруг шепот. – В город приехал волшебник!

Да и взрослые смотрели на них с почтением и уважением. Мужчины кланялись Изидоро, когда тот проходил мимо, но фокусник, казалось, не обращал никакого внимания на подобные жесты. Он излучал ауру волшебства и тайны. Широкая шляпа почти полностью закрывала его лицо.

За два часа до начала представления Мино еще раз повторил последние инструкции о том, как ему следовало выполнять свои обязанности. Мино был так взбудоражен, что ему приходилось сдерживаться изо всех сил, чтобы сидеть спокойно. Он примерно представлял себе, что сейчас будет происходить; они много раз играли в представление во время путешествия по джунглям, но сейчас все было по-настоящему. И он был частью представления! У него была очень важная задача!

Когда до представления оставался всего час, они собрали весь реквизит Изидоро и выдвинулись на площадь. На ней уже собралась огромная толпа. Люди сидели на ящиках и на стульях. Изидоро нашел место примерно посередине площади, которое, как он считал, подходило лучше других, и начал готовить сцену. Яркий белый фонарь они повесили высоко на дереве за помостом, он давал необходимый свет. Они установили стойки, развернули большое черное полотно и повесили его на них. Изидоро нужен был черный фон для выступления. Перед местом, где собирался стоять Изидоро, поставили жировые свечи. Они повесили еще одно темное полотно, чтобы никто не видел приготовлений фокусника. Получилась своеобразная палатка без крыши. Все было готово.

Мино выглянул в щелку. Дети придвинули свои ящики прямо к помосту – как же много детей! Он видел их светящиеся от предвкушения и ожидания лица. Как бы много ни было детей, взрослых пришло еще больше: ряды стульев и ящиков уходили в бесконечную даль. Мино почувствовал, как бьется его сердце. Он был серьезным, как кардинал.

Когда часы на церковной башне показали пятнадцать минут до начала представления, Мино вышел из-за занавески с медной чашей в руках. Ему предстояло собрать оплату.

Дети смотрели на него с глубоким уважением и торопились опустить деньги в чашу, протянутую им Мино. Маленькие кулачки плотно сжимали три влажные от пота медные монетки. Потом пришла очередь взрослых. Мино двигался вдоль рядов, и чаша постепенно наполнялась. Несколько раз ему пришлось дать сдачу, но большинство давали точную сумму. Одна серебряная монета упала в чашу, Мино отсчитал сдачу и не ошибся.

Он дошел до последних рядов. Здесь царил полутьма, у многих взрослых не было стульев, и они просто стояли. Некоторые держали в руках бутылки, пили из них и чокались друг с другом. Они делали вид, что посмеиваются над Мино, дергали его за новенький красивый жилет, но платили все.

Под деревом сидели и стояли молодые люди, хорошо одетые, они громко разговаривали и покрикивали. Мино неуверенно поднес к ним чашу и увидел, что четверо из них белокожие. Американцы. Он протянул к ним чашу и замер. Тогда один из них, толстый мужчина с коротко стриженными прямыми волосами, зачерпнул горсть песка и высыпал в чашу Мино.

– *This is what we pay for this damned, dirty show! Go away! Monkey!*¹⁰

Мино испугался. Он прижал к себе чашу и бросился обратно к Изидоро.

– Не волнуйся, – утешил его Изидоро, полностью готовый к представлению. – Свечи, Мино!

Как только часы на башне пробили семь раз, Мино вышел из-за загородки с длинной палочкой, зажженной с одного конца. Он зажег жировые свечи одну за другой, гул зрителей стих, и на площади воцарилась полная тишина. Мино убрал черную загородку, снял шляпу и трижды поклонился.

– *El magico Isidoro!* – закричал он во все горло и отошел в сторону.

Иллюзион Изидоро имел огромный успех. Дети визжали от восторга, наблюдая за исчезающими шариками, волшебными палочками, превращавшимися в платки и мячи и парящими прямо в воздухе. Они испуганно отстранялись, когда волшебник доставал серебряные монеты из их ушей, карманов или волос.

– А сейчас, сеньоры и сеньориты, вас ждет величайший трюк на свете! *Пылающие ладони!* – объявил Изидоро и крикнул: – *Assistent, por favor!*

Мино выбежал вперед. Изидоро снял фрак, который носил во время представления, и закатал рукава рубашки. Он тщательно смазал ладони маслом. Мино показал публике небольшой кувшин, на котором было написано очень четко, чтобы все могли прочитать: *Parafina*. Потом он облил вытянутые руки фокусника парафином. Медленными отточенными движениями он вытащил длинную тонкую палочку и зажег ее о горящую свечу. Затем сделал несколько магических пасов горящей палочкой в воздухе, гася одну за другой свечи. На сцене стало почти темно. Сидящие вокруг люди затаили дыхание в ожидании предстоящих драматических событий.

Горящая палочка медленно приближалась к ладоням Изидоро. Вдруг, они, вспыхнув, загорелись. Руки пылали, словно два факела, волшебник поводил ими из стороны в сторону, поднял их за голову.

Некоторые дети закричали от ужаса, но родители велели им замолчать. Когда огонь наконец погас, фокусник поклонился, а Мино быстро задернул занавес, раздались оглушительные аплодисменты. Люди кричали, вопили и смеялись. Подобного представления в городе еще никогда не видели!

Выступление имело огромный успех. Изидоро был вне себя от счастья, вернувшись в пансион, он крепко обнял Мино. Они подсчитали деньги: между песчинками лежало ровно 349 крузо.

Изидоро и Мино пробыли в этом городе четыре дня. Еще три представления прошли с таким же успехом. В маленьком кожаном мешочке у Изидоро лежало теперь не меньше двадцати серебряных монет – больше тысячи крузо. Уходя из города, они обзавелись еще одним мулом. Мино купили собственного прекрасного мула, которого он назвал Таркентарком в честь могущественного вождя племени обохо. К тому же поверх жилета он теперь носил небольшое пончо. Черное, разумеется! Из города выехали два волшебника.

– Почему здесь нет леса, сеньор Изидоро?

¹⁰ Вот сколько мы заплатим за это мерзкое шоу! Пошел вон! Обезьяна! (англ.)

Дорога вилась по золотому ландшафту с илистыми запрудами, коричневой песчаной почвой, лишь изредка попадались небольшие зеленые участки жухлой травы. Ржавые бочки от топлива и кучи мусора свидетельствовали о том, что совсем недавно здесь велась активная деятельность. Они видели несколько развалившихся глиняных домиков.

– Леса? О, нет, леса ты здесь больше не увидишь. Вот был бы ты со мной в тот первый раз, когда папа Маджико проезжал по этим местам. По обе стороны от дороги раскинулись буйные зеленые джунгли, огромные стаи туканов перелетали с дерева на дерево. Но однажды президент решил раздать бесплатно землю беднякам, ну, не землю, а джунгли, ты понимаешь, Минолито, что это совсем разные вещи. Несчастные люди из города потянулись сюда, расчистили джунгли и посадили овощи и зерно. В первые годы все шло прекрасно, но постепенно урожай стал все хуже и хуже, в конце концов здесь перестали расти даже сорняки. Плодородие джунглей заключено в кронах деревьев, Минолито. Исчезают деревья – умирает и почва. И превращается в пустыню, как здесь.

– Но, – удивился Мино, – почему они не могли сохранить большую часть деревьев и засадить лишь маленькие участки земли между ними?

– Подобная мудрость, – вздохнул Изидоро, – так же чужда сильным мира сего, как летучая мышь в курятнике.

Они подъехали к большому городу. Мино и Таркентарк, напуганные шумом и бешеным дорожным движением, прижались к Президенту Пинго. Их обгоняли машины, в основном грузовики и джипы, да и обычные автомобили. А еще набитые вопящими и орущими людьми автобусы. Вдоль дорог стояли толпы бродяг и калек, протягивавших к ним руки, когда они проезжали мимо. Несколько раз Мино слышал, как фокусник, покашливая, развязывал свой кожаный мешок и доставал оттуда несколько монет. И Мино понял, почему Изидоро до сих пор не был сказочно богат.

Повсюду были люди. Некоторые тащили огромные тюки или тянули нагруженные тележки, набитые пожитками. Мино видел мужчину без обеих ног. Он видел старуху, на лице которой были наросты размером с лимон. Он видел мальчика примерно его возраста, он ползал на животе, потому что его руки и ноги были ужасно искривлены. Он видел женщину без носа. Мужчину, у которого весь череп состоял из одного огромного красного шрама. Он видел неподвижные тюки у стен домов, видел тощих собак, рыскавших вокруг в поисках еды. Повсюду кричали, орали и ругались. Мино захотелось закрыть глаза и зажать уши. Изидоро сказал, что в этом городе им предстоит пробыть целую неделю и дать пять представлений.

Мино сидел на кровати, вертя в руках свою жестяную коробочку. Изидоро напевал песенку, довольный успехом сегодняшнего вечера. Четыре круглых шарика крутились у него на ладонях, исчезая и появляясь.

– Папа Маджико, – вдруг сказал Мино, – как ты думаешь, я когда-нибудь это выясню?

Он открыл коробочку и восхищенно разглядывал сине-желтую бабочку, засушенную и застывшую.

– Выяснишь, выяснишь, малыш Волшебник, что именно ты хочешь выяснить?

– Как называется эта бабочка?

Изидоро отложил свои шарики, присел и внимательно посмотрел на мальчика. Прошло почти десять месяцев с тех пор, как он нашел его в джунглях. Мальчик вырос. Он уже не был тощим. Он научился фокусам, особенно хорошо ему удавалось жонглирование пальцами. В ближайшее время он собирался придумать для него самостоятельный трюк. Уже через пару месяцев он сможет принять участие в представлении. Но было что-то в этом прекрасном чистом лице такое, чего он никак не мог уловить. Иногда в больших глазах под прямой темной челкой загорался огонь. И хотя большую часть времени мальчик шалил, гримасничал и играл, иногда в чертах его детского лица проступало что-то жуткое.

– Как называется бабочка? – откашлился Изидоро.

Мальчик был увлечен бабочками. Он рассказывал о каждой встреченной особи. И не только бабочками, Изидоро давно заметил, что мальчик замечал абсолютно все, что происходило в природе вокруг него. Это было поразительно. Он ведь вырос в маленькой отдаленной деревеньке глубоко в джунглях.

– Хм, как называется бабочка, – повторил Изидоро. – Пожалуй, мы это выясним. В этом городе много больших *librerias*, прямо завтра мы пойдем и купим все книги про бабочек, которые в них продаются.

– *Papilio homerus*! – закричал Мино, смеясь.

Они завершили свое пребывание в большом городе и сейчас ехали через глубокие долины к более плоскому району страны.

Мулу Мино Таркентарку пришлось тащить еще один груз. Не такой уж тяжелый, зато довольно объемный. Это была квадратная коробка. В ней лежала большая красивая книга с картинками: *Mariposas del Mundo*¹¹. И еще одна книга поменьше, в которой описывались все бабочки, обитавшие именно в этой стране. Но в коробке лежало и кое-что еще: множество маленьких пластмассовых коробочек с подложкой из пробкового дерева, иголки, пинцеты, вата, маленькая бутылочка с красной этикеткой «Этилацетат», а также четыре большие и маленькие дощечки для сушки насекомых. А еще настоящий сачок для ловли бабочек, рукоять которого раскручивалась на три части. Теперь у Мино было все необходимое для ловли, обработки и хранения бабочек.

Мино прыгал от счастья, когда Изидоро купил ему все это оборудование. Он сразу же раскрыл большую книгу на странице, где описывался род *Papilionidae*. И отыскал там свою сине-желтую бабочку: *Papilio homerus*.

Он помнил, как действовал отец, когда ему нужно было обработать бабочек, которые пролежали слишком долго, засохли и застыли. Отец осторожно клал их в маленькую коробочку с влажным песком на дне. Там бабочки лежали сутки под плотно закрытой крышкой. И они снова становились такими же мягкими и податливыми, как и свежепойманные, и их можно было обрабатывать, не рискуя сломать усики или крылышки.

На спине Таркентарка в маленьких коробочках, заполненных ватой, обеспечивающей неподвижность, аккуратно насаженные на булавки, лежали экземпляры каждой бабочки, когда-либо пойманной Мино. В отдельной коробочке обитала большая *Papilio homerus*.

Они спускались по узким долинам. Через некоторое время они прибыли в небольшую деревню. Здесь им предстояло дать одно представление. Дальше путь их лежал и сквозь плотные джунгли, и через низкие равнины – саванну. Им нужно было добраться до множества маленьких городов, разбросанных по всем джунглям в отдалении друг от друга. К тому же Изидоро больше нравились джунгли и саванна, чем горы и долины.

Несколько раз мулы Изидоро и Мино вынуждены были уступать дорогу огромным бензовозам, с ревом пронесшимся мимо со своим грузом в несколько тонн чистой нефти. Завидев несколько нефтяных вышек, Мино испуганно спросил Изидоро, не Д. Т. Стар ли обитает в этих краях. Но фокусник успокоил мальчика, объяснив ему, что в этой стране, как и в соседней с ней, живет несколько сотен американцев, гринго, занимающихся разведкой нефти, а Д. Т. Стар находится на другом конце страны.

Они пришли в деревню за пару часов до захода солнца и едва успели развесить плакаты, как часы на маленькой церковной башне пробили семь. Представление начиналось в девять.

Мино ощущал какое-то беспокойство. Деревня была очень маленькой. Не больше той, откуда был родом он сам. Там был овощной рынок. И кладбищенская стена. А недалеко от

¹¹ «Бабочки мира» (исп.).

деревни он видел нефтяные вышки. Ему казалось, что он повсюду видит Лукаса и Пепе. А еще он видел тени на лицах взрослых.

Но прежде всего Мино заметил, что в деревне было полным-полно армейцев.

Перед началом представления на площади собралась почти вся деревня. Изидоро сказал Мино, что, если он заметит на окраине площади бедных детей, он должен сказать им, чтобы перед самым началом представления они заняли места прямо перед жировыми свечами с горящими фитилями. Конечно, безо всякой оплаты. Так как они собирались дать только одно представление в этой деревне, не так уж и важно, сколько именно денег они соберут. Даже если какой-то ребенок опустит в чашу лишь одно или два крузо, Мино должен был просто кивнуть ему.

Мино приготовил чашу и начал обходить зрителей. Маленькая палочка, с помощью которой он должен был разжечь свечи, лежала у него в кармане.

Пока он с достоинством шествовал между рядами со своей чашей, кланяясь и собирая оплату, дети смотрели на него с восхищением. Он слышал, как кто-то прошептал, что смотреть в глаза сыну факира очень опасно. От этого можно загореться. Мино усмехнулся и сделал еще более таинственное лицо. Приблизившись к задним рядам, он замер. Четверо или пятеро армейцев сидели на ящиках, зажав карабины между коленями. Они явно собирались присутствовать на представлении.

Мино сжал губы и приблизился к людям в красно-желтой форме. Протянул чашу.

– Десять крузо! – сказал он подчеркнуто громко. – Для армейцев представление стоит десять крузо. В два раза дороже, чем для людей!

На него обрушился поток насмешек. В него полетели плевки.

– *Niño da puta*, шлюхин сын, а ну пошел прочь, клоун! Разве ты не знаешь, что люди президента могут смотреть на что угодно без оплаты? Исчезни!

Мино застыл. Сидевшие вокруг него взрослые перешептывались. Затем он сделал два шага к армейцу, сидевшему ближе всего, у него были толстые губы и сощуренные злые глаза. Мино достал из кармана палочку, с помощью которой он зажигал свечи. Быстрым и точным движением он вонзил ее в глаз армейцу и надавил так сильно, что та пробила ему череп и уперлась в его заднюю часть.

* * *

Красный помидор, кусочек белого хлеба, дижонская горчица и сочный кусок утиной грудки – так пообедал Гаскуань. Уркварт же, напротив, ограничился чашкой черного кофе и двумя круассанами. Кофе он наливал из маленького кофейника в правом углу комнаты. Еда Гаскуаня всегда была аккуратно упакована в маленькую круглую коробочку, на крышке которой был изображен горный пейзаж Швейцарии. Два круассана Уркварта лежали в бумажных пакетах, цвет которых менялся ежедневно.

На стеклянном подносе перед ними не было ничего иного, кроме их обеда. Они ели молча, не сводя глаз с монитора на стене.

«ОТЧ. СЕК. +10. ПРЯМОЙ КАНАЛ: *Пребывание в теплице, два часа двадцать минут. Она не сказала ни слова. С собой у нее три билета на поезд: один в дамской сумочке, назначение – Варна, второй зашит в воротнике куртки, назначение – Баку, последний был обнаружен за фольгой в пачке сигарет, назначение – Стамбул. Паспорт на имя Констанции Фрей, двадцать три года, гражданка Испании. Профессия: дизайнер моды. Большие никаких документов. Лежит на скамье. Полковник стришет ногти на ногах. Очевидно, она приняла какие-то таблетки. Очень апатична, реакции очень слабые. Полковник проведет фазы с первой до двадцатой, в случае негативной реакции, операция закончится максимум через двадцать один час сорок минут. Отчет будет идти постоянно каждые двадцать минут. СЕК. +10.*»

– Черт!

Гаскуань жевал утиную грудку.

– Расслабьтесь!

Уркварт стучал пальцами по стеклянному подносу.

– Она слабая. Самая слабая из них. Мы это знаем! По крайней мере она ведет себя как человек, а не как бездушная материя. Остальные дьяволята...

Уркварт прервался и глотнул кофе.

Двое мужчин переглянулись. На этот раз им причитался весьма солидный бонус. Настолько солидный, что оба понимали, если дело выгорит, для них обоих оно станет последним. Они смогут выбрать себе любое гражданство и обосноваться в любой точке мира. Несколько лет назад Уркварт был израильтянином, а Гаскуань – французом. Сейчас они не существовали, даже находясь в этой комнате под элитным районом Парижа. Они не существовали, но в то же время имели неограниченную власть над могущественным аппаратом. Они расставались со своим прошлым.

– Ставлю на четыре часа максимум, – сказал Уркварт и жестом отказался от утиной грудки в остром горчичном соусе, предложенной ему Гаскуанем.

* * *

Армеец упал, кровь хлынула из его глаза. Мино отступил назад, но внезапно три огромных человека бросились на него, вокруг замелькали красно-желтые цвета, засверкали пряжки портупей, запахло застарелой мочой, какая-то невероятная сила прижала его к земле, он почувствовал кожаный сапог на своем лице, ощутил уколы, удары и тычки, одна рука у него сломалась и стала тяжелой, еще тяжелее, вокруг него сгустилось белое облако, и он погружался в него все глубже и глубже.

На площади царил полный хаос. Мужчины, женщины и дети плотным кругом окружили армейцев, навалившихся огромной грудой на то, что, по всей видимости, осталось от маленького щуплого паренька, ассистента волшебника.

Изидоро недоуменно выглядывал из-за своей черной занавески. Всего секунда у него ушла на то, чтобы понять, что произошла какая-то чудовищная беда, и причина этой беды – Минолит. В голове у него пронеслась мысль, что, если он наделал какую-нибудь глупость, эта станет окончательной катастрофой. Невероятно быстро, так, что было даже трудно уследить за его движениями, он собрал свои вещи, сбросил все в большие черные мешки и исчез с площади. От фокусника не осталось ни следа. Возможно, он вознесся прямо на Небеса или провалился сквозь землю.

Одно можно сказать точно: когда двенадцать разъяренных армейцев с карабинами наперевес ринулись к тому месту, где несколько секунд назад стояла темная палатка волшебника, они увидели лишь белого бумажного голубя на земле. Его тут же пронзили тридцать семь пуль. Пули взрывали сухую землю и рикошетом отлетали в темную ночь.

За стеной дома на окраине деревни Президента Пинго и Таркентарка отвязали и увели в плотные заросли джунглей, как можно глубже, до тех пор, пока не улягутся шум и суeta.

Белый, белый, как ядро кокоса. Мино лежал на земляном полу. Он застонал и попытался подняться, но снова упал. У него болела голова, грудь, все тело. Левая рука ничего не чувствовала ниже локтя. В щелку двери просачивались лучи света. Внезапно он все вспомнил. Он выколол глаз армейцу. Его поймали. Посадили в тюрьму. В тюрьму армейцев! Жестокая улыбка, словно тень, пробежала по лицу одиннадцатилетнего мальчика. Он поднялся и остался стоять.

Снаружи слышались голоса. Смех и громкий разговор. А иногда злые голоса, голоса, извергавшие страшнейшие проклятия. «Фокусник!» – услышал Мино. Они говорили об Изидоро. Они убили папу Маджико? Внезапно у Мино комок подступил к горлу. Это он виноват, он! Он все испортил, и они убили доброго Изидоро! Он лег на землю и горько заплакал. А потом заснул.

Вдруг дверь открылась, и комнату залил солнечный свет. Мино потерял глаза здоровой рукой. Он увидел пару коричневых сапог и красно-желтые брюки. Затем в голову ему прилетела сухая хлебная корка.

– Корм для крыс, – прорычал человек. – Но завтра крысе смерть! Вот только отыщем подходящий муравейник и подвесим тебя над ним за ноги, чтобы ноздри касались него. Большие коричневые муравьи, хе-хе!

Дверь с грохотом захлопнулась, снова стало темно.

Как только часы на церковной башне пробили семь ударов и на улице стемнело, Мино внезапно услышал, как кто-то тихонько стучит в стену за ним. Потом услышал шепот. Ничего не понимая, он подполз поближе и прислушался.

– Минолито! – послышался голос. – Минолито, ты там, ты меня слышишь?

Мино почувствовал, как тепло заполняет его тело, внезапно боль отступила. Изидоро! Папа Маджико, живой!

– Да, я здесь! – прошептал он чуть слышно в ответ.

– Они сломали тебя настолько, что ты не можешь идти, Минолито? – снова послышались слова.

– Нет, папа Маджико, я могу идти, но у меня болит грудь, и отказала рука.

Мино ужасно боялся, что армейцы услышат его.

– Очень хорошо, мальчик мой. Просто прекрасно. Не бойся. Представление ведь начнется в девять, не так ли? Когда услышишь девять ударов часов, будь готов! Папа Маджико покажет пару фокусов.

И голос исчез.

Мино снова лег на землю. Сердце колотилось в груди. «Папа Маджико жив, папа Маджико жив!» – повторял он про себя все время. Он закрыл глаза и внезапно увидел тихую маленькую реку. И свое отражение в чистой воде; он видел свое лицо четко и ясно. Затем вода начала дрожать, его лицо изменилось и постепенно в нем проступило нечто совсем иное.

Мино поднялся и громко рассмеялся: как же он забыл, конечно же, он не умрет! Прошло уже больше года!

Часы пробили восемь. Совсем скоро они пробьют девять.

Большинство жителей деревни сидели по домам. После наступления темноты на улицах и на площади оставалось лишь несколько человек. Армейцы были вне себя после убийства их товарища маленьким мальчиком. Они обыскали все дома, охотясь на ужасного фокусника, и застрелили двух безработных крестьян совершенно без повода. По площади шатался старик, размахивая полупустой прозрачной бутылкой. В тени, на скамье возле таверны, пастух наигрывал грустную мелодию на расстроенной гитаре. Больше никого видно не было. Лишь перед казармами, как обычно, галдели армейцы. Они конфисковали свинью и сейчас жарили ее на открытом огне.

Теперь, когда часы пробили девять, произошло нечто такое, из-за чего старик с бутылкой опустился на землю, гитара замолкла, а армейцы позабыли о жирной свинине.

Над кронами деревьев на темном ночном небе вспыхнул яркий свет. Он сверкал неприятным зеленым цветом, отчего весь город словно накрыло призрачной пеленой. Это была голова человека, огромная человеческая голова. Те, кто видел ее, терли глаза, прежде чем решиться посмотреть на нее снова. Это была голова Господа Вседержителя. Голова Иисуса Христа с терновым венцом, сверкавшим, словно серебро! Она раскачивалась над казармами, вперед и

назад, медленно, обвиняя, угрожая; армейцы закашлялись и подавились свининой и тростниковой самогонкой, падая на колени. Сержант успел залить бочкой воды угли под свиной тушей, прежде чем свалиться на землю.

– Господи Иисусе! – слышался повсюду стон.

– Санта Мария, Матерь Божья, помоги нам! – раздавался шепот.

– Спаситель Небесный! – рыдали люди.

Лицо над ними постепенно становилось все меньше и меньше, Иисус Христос вознесся на Небеса, и зеленый свет пропал. Небо снова почернело. Но прямо перед этим вскочил первый армеец, начал яростно указывать куда-то, закрывая лицо руками.

Новый луч света пронзил деревню, еще более страшное и невероятное происшествие ожидало ее жителей: из джунглей прямо за казармой верхом на муле к ним летела человеческая фигура – голый человек, пылавший, словно факел. Пламя пылало вокруг его тела, руки были брошены за голову, и языки огня ласкали кроны деревьев. Два огромных красных глаза сверкали на лице.

Армейцы побросали свое оружие и бросились наутек через площадь, мимо таверны вниз по улице и, наконец, скрылись за поворотом. Они ринулись к небольшому частному поместью гринго, хорошо освещенному барачному городку возле нефтяных месторождений в нескольких километрах отсюда.

После того как огонь погас, Изидоро стер с себя большую часть сажи. Затем он сильным ударом выбил дверь.

– Минолито! Пошли! – тяжело дыша, крикнул он. – Представление окончено. Я взял бы за него не менее ста крузо. Но, черт подери, пришлось показать им его бесплатно!

Мино, шатаясь, вышел из землянки и прижался к совершенно голому, покрытому сажей фокуснику, стоявшему перед ним. Глаза у него были обведены светящейся ярко-красной краской. Даже индеец-колдун вряд ли бы выглядел более устрашающе.

– *Rapido!*¹² Таркентарк и Президент Пинго ждут нас в джунглях.

Изидоро подтолкнул мальчика перед собой. Вдруг он заметил автомат и пояс с патронами, брошенный прямо на траве. Он забрал и то и другое. Совсем скоро их обоих поглотили плотные черные джунгли.

Как считал Изидоро, они направлялись на север. Прошло уже десять дней с того несчастного посещения деревни. Они ехали по едва заметным дорожкам, держась подальше от городов и деревень. От влажности и жары было тяжело дышать, но они справлялись. Для них обоих джунгли были привычным местом. Изидоро наложил Мино на руку шину и сказал, что, если Мино немного побережет ее, она полностью восстановится.

Фокусник очень долго и серьезно говорил с Мино о том, что произошло, и Мино понял: они не смогут больше давать свои представления в этой стране. Они не смогут заехать ни в один более-менее крупный город, не рискуя своей жизнью. Нужно пересечь границу, там, в другой стране, говорят на почти таком же языке, но так как *pasaportes* ни у Мино, ни у Изидоро нет, сделать это им придется тайно. Идти до границы им было далеко, через сельву, через самые неприступные участки джунглей. К счастью, Изидоро уже бывал там однажды.

Мино ехал за Изидоро в основном молча. Когда они останавливались поесть или разбивали лагерь для ночлега, он не решался взглянуть фокуснику в глаза. Должно быть, тот ужасно сердился на Мино за то, что тот все испортил. Но однажды вечером Изидоро обнял его за плечи и притянул к себе. Очень серьезно он посмотрел в темные глаза Мино.

– Минолито, – сказал Изидоро, – тебе нужно отомстить за всю деревню. А мне – за весь народ. Эта страна причинила боль нам обоим. Ты поступил правильно, когда проткнул мозг

¹² Скорее (*исп.*).

тому армейцу. Даже если бы они убили нас обоих, ты поступил правильно. Ты понимаешь, негодный ты мальчишка?

И он ласково потряс мальчика.

Мино улыбнулся, его глаза засверкали в отблесках костра.

– Если бы ты был бабочкой, папа Маджико, тебя бы звали Марипоса Мимоса. Это самая добрая из всех бабочек, существующих на свете. И самая красивая, – добавил он.

Фокуснику пришлось на секунду отвернуться. Он понимал, что эти слова – самый лучший комплимент, который только мог придумать мальчик.

В эту ночь Мино никак не удавалось заснуть. Он лежал в гамаке и смотрел на медленно гаснущие угли костра. Далеко в джунглях слышался приглушенный стон умирающего тапира: ягуар отыскивал себе добычу. А высоко в плотной мгле прямо над ним жужжали тысячи электрических пил: цикады. Иногда раздавались звуки «плюп-плюп-плюп» от хора лягушек. Все это были приятные, добрые звуки. Для Мино джунгли были самым безопасным местом на свете.

Он научился фокусам. Он заставлял три серебряные монетки исчезнуть из его руки и появиться в любом другом месте. Шарик в его руках вращался в любые стороны. Он подбрасывал шары или кегли и снова ловил их. Многие неживые предметы оживали благодаря его умению. Вот если бы он мог колдовать и над людьми! Заставить кого-нибудь исчезнуть или перенести кого-то туда, куда бы им хотелось. Если бы он мог всего лишь произнести «сим-кориамбим» – и белая настоящая кровь полилась бы из жирных голов американцев! Или сказать «абрабункидам-кадра» – и из армейцев высыпались бы внутренности, на которые тут же слетелись бы мухи! А может, он произнес бы «Уарра-брамахарра-бимбо-кам!» – и от этих слов взорвались бы все нефтяные вышки в этой стране, а на их месте выросли богатые зеленые джунгли! Он бы заколдовал бедным детям красивую одежду, отогнал болезни от старых женщин, а у ног нищих появились бы тарелки, полные дымящегося мяса. Вот бы уметь так колдовать! Он бы вернул свою деревню, папу и маму Португеза, своих братьев и сестру, отца Макондо и старика Эусебио. Он бы сделал колокол на церковной башне золотым! И наслал бы десять миллионов муравьев, чтобы они выели глаза каждому армейцу или американцу, который бы только осмелился приблизиться к его деревне. Он бы оживил поникшие кусты таро. Наколдовал самые красные помидоры. А в тарелку с супом донна Эдмундо насыпал ядовитых цветков беладонны.

Но таким даром он не обладал. И никто не обладал.

Изидоро нашел уникальный цветок, такой рос только в одном месте в джунглях. Масло этого цветка лишало человека чувствительности к пламени, поэтому огонь больше не мог ему навредить. Это маленькое чудо. Старые индейцы умели делать чудеса, так рассказывал папа Маджико. Изидоро слышал рассказ одного старика о том, что птицы собирали листья одного растения, и когда они размалывали клювом этот листочек о какой-нибудь камень, тот становился мягким, как жир. Именно так птицам удавалось гнездиться на самых гладких и высоких скалах. Вот о таких чудесах знали старые индейцы. Теперь индейцев почти нет. Они исчезли, вымерли. Но некоторые из них спрятались в потаенных местах. Так, по крайней мере, сказал Изидоро.

А сколько удивительных тайн хранят джунгли? Может быть, кровь какой-нибудь лягушки может заставить человека парить в воздухе?

Мино заснул и увидел сон. Ему снились фокусы и чудеса. И он, Мино, управлял всем вокруг со своего места – из тонкой прослойки между водой и воздухом. Не под водой, не над водой, а прямо в ней. Именно там возможно все.

Изидоро внимательно изучал оружие. Несколько раз нажал на курок незаряженного автомата. Прицелился. Понюхал синюю сталь.

– Хе-хе-хеммм, – пробурчал он.

Еды у них почти не осталось. Пора было опробовать в деле оружие.

– Я никогда раньше не стрелял, понимаешь, мой мальчик, – пробормотал Изидоро.

Незадолго до этого они с Мино увидели стадо тапиров, пивших воду на запруде. Изидоро собирался попробовать подстрелить тапира, чтобы раздобыть свежее мясо.

Он вставил патрон в патронник. Мино пришлось показать ему, как это делается. Давным-давно, когда они с Пепе следили за свиньей Кабурой, они видели, как сержант ежедневно чистил свое оружие, так что они изучили, как оно работает, и могли, при необходимости, собрать и разобрать ружье.

– Прямо перед выстрелом покрути вот эту штучку, – показал Мино на предохранитель.

– Видишь вон то дерево, мальчик мой? А гриб на нем видишь? *Сейчас* я туда попаду, хе-хе-хемм!

Изидоро возвел ружье и прицелился. Затем закрыл оба глаза и нажал на курок. В джунглях раздался выстрел. Фокусник упал навзничь и остался лежать с покрасневшим лицом. От чего именно он упал – ужаснулся той невероятной силе, которую выпустил наружу своим выстрелом, или отлетел из-за отдачи от этого выстрела, – трудно сказать, но сейчас он лежал, тяжело дыша.

Мино пришлось поскорее бежать к дереву, чтобы папа Маджико не заметил, что он смеется. Он обыскал весь ствол. Никакого следа от пули.

– Ты промахнулся, папа Маджико! – закричал он.

– Дьявольское создание, – простонал фокусник, поднимаясь с земли и отряхивая опавшие листья с жилета. – Не будем стрелять, Мино, пошлем все подальше, будем питаться фруктами и черепахами.

Мино стоял, задумавшись. Его левая рука почти зажила. Наконец он осмелился:

– Можно мне попробовать, папа Изидоро?

Он намеренно назвал фокусника «папа Изидоро», потому что знал, что от такого обращения тот растает.

– Попробовать? Пробуй! Ну, ну. Если рискнешь. Но будь осторожен, Минолит.

Мино подбежал к ружью. Вставил в патронницу патрон. Ружье было тяжелым, так что целился он долго. Затем раздался выстрел. Мино не упал, но сразу же ринулся к дереву. В грибном наросте зияла круглая маленькая дыра.

– Попал! – радостно вскричал он.

Через три дня Мино убил своего первого тапира. Они наелись мяса до того, что у них чуть не лопнули животы. Затем Мино подстрелил на дереве ленивца. Потом продырявил голову анаконде, спящей на дереве. Змею он добыл по просьбе Изидоро, тот всегда мечтал иметь подобную шкуру.

Проведя в джунглях около пятидесяти дней, они добрались до реки. На другом берегу ее находилась другая страна. Но джунгли там были совсем иными, Мино сразу это увидел.

Несколько дней у них ушло на то, чтобы сколотить плот из подгнивших стволов деревьев и крупных веток. Чтобы вместить Президента Пинго и Таркентарка, плот должен был быть достаточно большим. На тот берег они кое-как перебрались, но долго искали хотя бы намек на какую-нибудь тропинку. Новая страна! Они были в другой стране! Мино не до конца это понимал. Но фокусник продолжал настаивать. Они действительно оказались в другой стране.

– Почему они вырубili здесь весь лес, Изидоро?

Они ехали по размытой дороге, на которой остались следы от тяжелых машин. Большие участки джунглей были вырублены. Фокусник помахал своей огромной шляпой.

– В этой стране, понимаешь, Минолито, вырубают все леса. Лес превращают в бревна. А бревна нарезают на доски. Доски продаются в другие страны, где из них делают большие

сундуки, в которые люди могут складывать свои вещи, и стулья, на которых они сидят, когда едят мясо. Вот так-то, Минолито.

Изидоро и Мино хорошо проводили вечера у костра в джунглях. Они выучили новые потрясающие фокусы. Мино должен был показывать их сам. Например, он собирался вытянуть семь белых бумажных голубков из своих ушей. Самозагорающиеся воздушные шарик, олицетворявшие духов джунглей, должны были появиться из его карманов. Еще Мино поймал птенца попугая и научил его говорить. Попугай умел повторять своим дребезжащим голосом «Таркентарк» и голосом, удивительно похожим на голос Изидоро, «посоли-ка мне мясо, мальчик».

Они поняли, что приближаются к городу или к деревне. Дорога улучшилась, они все чаще встречали людей, те вежливо здоровались «*bom dia*», «*boa tarde*», «*boa nite*» в зависимости от того, в какое время дня попадались им на пути. Мино заметил, что в уголках глаз у людей мухи, а на губах – раны. Одежда была очень цветастой, но сильно изодранной.

Попытавшись вытянуть шею, чтобы разглядеть приближающийся город, Мино увидел нечто такое, из-за чего так сильно ударил пятками по бокам Таркентарка, что тот замер на месте: на огромном дереве прямо у обочины висели три человека. Они были повешены за шею, их ноги не касались земли. Лица были черно-синими, на подбородки серыми колбасками свисали языки. Тела их опухли, вокруг вились стаи мух.

– И... Изидоро! – пробормотал, показывая на них, Мино.

Президент Пинго остановился возле Таркентарка. Фокусник молчал. Он не поднимал глаз от земли. Затем надвинул шляпу ниже на глаза и поехал дальше.

– Кто... кто это сделал? – догнал Изидоро Мино.

– *Quien sabè*,¹³ – ответил он. – Возможно, *bandidos*, – добавил он через какое-то время.

Город был похож на города в стране, откуда они пришли. Там были пансионы, таверны и лавочки. И торговая площадь. Изидоро и Мино сразу же развесили объявления о большом представлении. Оно называлось «Горящие руки».

В арендованной ими комнате Изидоро дал Мино краткий урок об особенностях этой страны. Деньги здесь назывались не крузо, а кразо. Два кразо примерно равнялись одному крузо. Поэтому билет на представление стоил десять кразо для взрослого и пять кразо для ребенка. Вполне возможно, кто-то попытается расплатиться сладостями или фруктами, но Мино не должен был принимать такую оплату. А вот копченые колбаски, запеченные с зеленым перцем, – традиционное блюдо этой страны, очень вкусное, как подчеркнул Изидоро, – можно было принимать смело. Одна колбаска равнялась примерно десяти кразо. Колбаски можно было хранить несколько месяцев.

Мино кивал, внимательно слушая. На нем была свежестыранная одежда, он сиял от головы до пят. Глаза его горели. Затем по лицу черной птицей катартой пролетела тень.

– А что, если на представление придут армейцы?

Изидоро крикнул, глаза его стали злыми.

– В этой стране армейцев нет. Здесь есть карабинеры. У них зеленая форма с розовыми пятнами. На головах у них металлические шлемы. На шлемах нарисована красная птица с кривой шеей. Эта птица – *áquila llora*, плачущий орел, на свете их больше не существует. Последнего плачущего орла застрелили тридцать лет назад. Прежде чем заняться своей добычей, птица издавала звуки, напоминающие плач младенца. Если ты увидишь шлем с красной птицей, Минолито, не поднимай глаз от земли. Или смотри на небо. Для нас, фокусников, дорогой мой мальчик, карабинеры – это просто воздух. Воздух, не более того!

¹³ Как знать? (исп.)

Воздух. Просто воздух. Мино кивнул. Воздух. Он вода. Нет, он нечто между: тонкая прослойка между водой и воздухом. В воздухе парят красные плачущие орлы. Ему не нужно на них смотреть. Ведь они вымерли тридцать лет назад.

Через несколько дней Мино и Изидоро уехали из этого города после пяти очень успешных представлений. Дебют фокусника Мино превзошел все ожидания.

– У тебя огромный талант, – сказал Изидоро.

В мешке, которым нагроулили Таркентарка, лежали тридцать две копченые колбаски, а в кожаном мешочке Изидоро позвякивали монетки.

Так и ездили Изидоро и Мино по этой стране, от деревни к деревне, на восток к горам, на запад к большим рекам и джунглям, на север к долинам, на юг к болотам. Они зарабатывали монеты и копченые колбаски. Но кожаный мешок Изидоро никогда не был полон до краев. В руке у него всегда была заготовлена монета для протянутой от нужды и голода руки.

– А дела у нас неплохи, мальчик мой, хе-хе-хеммм, – бормотал он. – Очень даже хороши, а? Мы самые великие волшебники на свете!

Финальный номер Изидоро с горящими руками неизменно имел большой успех. И у них все еще оставалось достаточно масла синих цветов.

На двенадцатилетие Мино получил новую одежду, почти такую же, как носил Изидоро, и тот сказал:

– Ты человек воды, мой мальчик. И это прекрасно, именно люди воды будут творить настоящие чудеса в будущем.

Мино не понял, о чем именно говорил Изидоро, но испугался, что тот знает, что он человек воды. Мино думал, что эта тайна заключена лишь в его голове.

Попугай Мино назвал Тимидо, потому что тот был на удивление стеснительным. Постепенно попугай научился весьма прилично говорить, и свой словарный запас он использовал очень уместно. Попугай прекрасно умел подражать голосу Изидоро. Он мог внезапно сказать: «Президент Пинго ходит, как копченая колбаска». Или «Собирай топливо, Тимидо, собирай топливо!» «Ешь-ка своих мух, мальчик мой, хе-хе-хеммм!» Изидоро абсурдные высказывания Тимидо не нравились, к тому же из-за стеснительности попугай не мог участвовать в представлении. Они несколько раз пытались его использовать, но при виде чужих людей верхняя часть горбатого клюва краснела, и попугай засовывал голову под крыло. Тимидо говорил только тогда, когда фокусники оставались одни, при этом болтал он без умолку.

Мино все время собирал бабочек. Он радовался каждому новому виду, который попадал в его коллекцию. У него уже собралось четырнадцать полных коробочек, по одному экземпляру каждого вида. Были здесь и чудесные белянки всех оттенков и цветов – от белого до оранжевого, и элегантные ласточкины хвосты, сияющие синие морфо, разноцветные нимфалиды, бархатистые геликониды и хрупкие, почти прозрачные итомиды. Изидоро подшучивал над ним, говоря, что, если так пойдет и дальше, ему понадобится отдельный мул для перевозки бабочек. И правда, коробки почти ничего не весили, но занимали много места. И Изидоро действительно купил еще одного мула, конечно, не только для коробок с бабочками, количество их принадлежностей для фокусов тоже значительно увеличилось. Мула называли Менелаем в честь прекрасной бабочки морфо.

– Сорок три деревни, мальчик мой, мы объехали сорок три деревни в этой проклятой стране. Совсем скоро не останется ни одной, где мы еще не были.

Они остановились на ночлег возле небольшой речки, привязав мулов к корням дерева метадор.

– И что мы будем делать дальше, папа Изидоро? – заинтересованно спросил Мино.

В последнее время он постоянно называл фокусника «папа Изидоро».

– М-да, мальчик мой, хе-хе-хеммм! Есть и другие границы, которые мы можем перейти. Одна с одной стороны, другая – с другой.

– Новая страна? – восхищенно вскричал Мино.

– Новая страна, – кивнул фокусник. – А что нам остается, не прозябать же в этом гнилом краю!

Тимидо привязали к ветке над головой Мино. Изидоро обглодал куриную ногу и швырнул ее в попугая. Затем он нарезал лук на мелкие кусочки и протянул Мино.

Мальчик вырос. Он стал сильным и здоровым. Уже похожим на маленького мужчину. Необычайно красивого маленького мужчину, подумал Изидоро. Белые безупречные зубы, твердый подбородок и красивый ровный нос. Угольно-черные волосы закрывали глаза, когда челка падала на лоб. Карие ясные глаза. Тонкие мягкие руки, как и у него самого. Руки фокусника. Мино прекрасно научился фокусам. И он умел привлечь публику. Дети пищали от восхищения, когда Мино вытягивал метр за метром разноцветные платки из их носа или одним движением руки снимал рубашку со смущенного торговца овощами. Но у него был норов. Если на представлении присутствовали карабинеры, Мино застывал. Он проделывал свои фокусы без единой улыбки и абсолютно без эмоций.

Дважды они были на грани катастрофы, несчастья и даже смерти. Один раз двое шумных пьяных гринго, американцев, попытались помешать их представлению, а затем батальон карабинеров ворвался на площадь в поисках террористов. В первый раз Мино схватил горящую свечу и был готов запустить ею в лицо гринго, но Изидоро удалось перехватить и остановить его. Во второй раз все было еще хуже: карабинеры ворвались в палатку волшебников и, рыча, стали спрашивать их, не видели ли те террористов.

– Да, сеньоры, – проговорил, вежливо кланяясь, Мино. – *Una, dos, tres, quarto, cinco...*

Он показывал пальцем на каждого из карабинеров. И снова Изидоро успел предотвратить катастрофу. Он успокоил сержанта, объяснив, что мальчик – *uno imbecile*, дурачок, и каждый раз, когда его о чем-нибудь спрашивают, стремится показать, как здорово он умеет считать. Сержант высморкался и утер слюну из уголков рта, но все же ушел после того, как получил небольшой подарок от фокусника: светло-красную бумажную курочку, раскрывающую клюв при нажатии на грудку.

После этих случаев Изидоро навсегда решил, что будет отменять представление, если среди публики попадутся карабинеры или пьяные гринго. Мино был совершенно с ним согласен, не стоило тратить их фантастическое представление на *águilas lloras*, плачущих орлов, ведь их же даже не существует на свете.

Вдруг Мино схватил сачок. Большая белая бабочка-белянка с золотыми точками на крыльшках порхала возле них. Он начал охоту, не отрывая взгляда от бабочки, метавшейся между стройными деревьями. Внезапно он налетел прямо на дерево, в глазах засверкали звездочки, и Мино упал на землю. Он услышал, как Изидоро хохотал до икоты. Когда Мино встал, бабочка уже улетела. Мальчик разочарованно отложил от себя сачок и сел, потирая шишку на лбу.

– Там было дерево, но ты не остановился и побежал прямо на него, – сказал Изидоро, отсмеявшись.

Мино жонглировал. Сидя у костра, он крутил на ладони семь патронов. Двигались все семь, и ни один глаз не мог уследить траекторию каждого из них, пока Мино играл.

Изидоро читал книгу при свете огня. Книга называлась «Человек, который дотянулся до небес и достал оттуда луну». Ее написал настоящий индеец, так сказал Изидоро. А индейцы никогда не врут.

Однажды Изидоро спросил Мино о его предках. Не было ли среди них индейцев? Мино этого не знал, но считал, что это вполне возможно. В его родной деревне жили и кабокло, и

полуиндейцы. Может быть, он действительно индеец? От этой мысли в груди приятно защи-
пало. Папа Себастьян и мама Амантея, могли ли они оба быть индейцами?

– Новая страна, папа Изидоро?

– Новая страна, мой мальчик, но до границы нам предстоит идти еще много дней.

Не проходило ни дня без того, чтобы они не встретили висящие на деревьях трупы. Черные, уродливые тела в оборванной одежде. Они приближались к границе. Изидоро постоянно сверялся с огромной картой местности, купленной им в магазине. Он никогда не бывал в стране, куда они собирались попасть, поэтому не был уверен, где именно им стоит перейти границу. Незаконное пересечение границы карается смертью, так сказал он Мино. Если они ошибутся, их повесят на дереве. Но Мино точно знал, что его ни на каком дереве не повесят.

Наконец Изидоро решил, что они перешли в другую страну. С большим трудом им удалось затащить мулов с пожитками по крутым дорожкам на холмах, плотно заросших кактусами. И вот дорога свернула вниз по другую сторону холма и перед ними предстала болотистая местность, пересечь которую им удалось за несколько дней. Теперь они были в безопасности, решил Изидоро. Им предстояло дойти до ближайшей деревни. И оказаться в пылу огня в буквальном смысле слова.

– Эта страна очень большая, Минолито, – сказал Изидоро, когда они оказались в комнате и начали готовиться к представлению. – Думаю, здесь не меньше тысячи больших и маленьких городов. Можем бродить здесь годами. Мы станем невероятно богаты, мальчик мой, хе-хе-хеммм! А когда нам надоест, мы возьмем наш мешок с деньгами, отправимся к морю и купим себе огромный дом с садом и ручейком. И будем сидеть там и чистить апельсины, подсчитывая проходящие мимо суда. Мы купим себе дом у моря, мальчик мой!

– Да, мы купим себе дом у моря, папа Изидоро, – обрадовался Мино. – И ты будешь чистить апельсины и считать лодки, а я соберу самую лучшую в мире коллекцию бабочек!

В этой стране деньги назывались крацы. Одно крацо стоило четыре краца. Копченые колбаски в качестве оплаты не принимались. Эти времена прошли. В этой стране было много гринго. Они вырубали джунгли и возделывали огромные плантации бананов. Или взрывали горы в поисках золота. Или бурили нефть. За головы индейцев, считавших, что их нужно оставить в покое, назначалось денежное вознаграждение. Все это Изидоро вычитал в большой книге. Здесь не было ни военных, ни карабинеров, в этом они могли быть уверены. Но здесь обитали командиры, одетые в зеленую форму с зелеными пятнами. Вот их здесь было видимо-невидимо, потому что большое количество гринго нужно было охранять от орды бедняков и бездомных, жаждущих отрезать им головы и украсть у них бананы. Но они были, можно сказать, невидимы, так сказал Изидоро. Для великих волшебников, готовящихся дать свое великолепное представление, они были абсолютно невидимыми. Но если уж случится несчастье, и они появятся на их представлении, оно тут же будет отменено. Решено.

Мино серьезно кивал во время этого краткого, но весьма информативного экскурса в жизнь этой страны. А затем улыбнулся.

– Домик у моря, папа Маджико?

– Домик у моря, Минолито. Обещаю. Вот только набьем мешок деньгами. Это случится быстро.

Мешок с деньгами папы Маджико действительно постепенно наполнялся по мере того, как фокусники ездили по стране, давая свои непревзойденные представления. Фокусник стал осторожнее относиться к протянутым к нему просящим рукам. Им не было конца и края; целая армия слепых, безногих, опухших, отощавших, горбатых и покрытых язвами периодически окружала двух красиво одетых фокусников, и ни Мино, ни Изидоро не видели конца этому

потоку. К тому же все чаще и чаще Мино слышал, как Изидоро повторял: «Домик у моря». «Чистить апельсины». «Считать лодки». А затем он ревел почти как Президент Пинго.

Иногда они целыми днями ездили по банановым плантациям, где Мино не видел ни одной бабочки. Однажды они целую неделю ехали мимо реки, загрязненной отходами больших золотых приисков, поглотивших холмы. Два месяца ушло у них на то, чтобы пересечь эту страну в самом ее узком месте. Это была большая страна. Обездоленная страна.

Они прибыли в район страны, населенный богачами. Несмотря на то что они старались держаться маленьких городов, нельзя было не заметить, что их представление вызывало огромный интерес. К тому же здесь они могли установить цену на билеты повыше, и случилось так, что они запросили аж сто крацев за билет для гринго, желавших посмотреть их представление. Да, в спину им полетели плевки и всякие гнусные слова.

– У меня с собой все еще много масла, мальчик мой, – сказал Изидоро однажды. – Устроим-ка такое представление, что даже гринго побледнеют.

И он рассказал Мино о том, что задумал.

Пока Мино будет выполнять свою часть программы, Изидоро для *una grande finale* разденется догола и намажет маслом все тело. Это представление будет называться «Горящий волшебник!» Цену за билет установят в сто крацев. Несколько таких представлений – и мешок будет полон, да и еще останется.

Все должно было произойти в день тринадцатилетия Мино. Они прибыли в деревню, в которой жило очень много гринго, они отдыхали от строительства больших нефтяных сооружений, напиваясь ромом с кока-колой. Мино и Изидоро ярко и шумно объявили о грядущем представлении. Всех детей бедняков пригласили поприсутствовать на нем бесплатно. Фокусники подготовились, и когда часы приблизились к восьми часам, площадь кишела от скачущих в нетерпении малышей, поскуливающих бродячих собак и болтливых пьяных гринго.

Во время основной части представления пьяные гринго шумели, а когда Мино объявил заключительный номер «Горящий волшебник», у стены из грязевого кирпича раздался смех.

Мино обошел публику с бочкой парафина в руках. Предлагал всем желающим его понюхать. Некоторые гринго попросили Мино вылить немного парафина на землю и поджечь его, чтобы убедиться, что он настоящий. Мино так и сделал, и пламя вспыхнуло до небес. Ни у кого не осталось никаких сомнений, что все происходило на самом деле. Затем Мино вернулся за занавес, все еще держа бочку с топливом над головой, чтобы всем было видно. Затем он отдернул занавес в сторону.

Изидоро стоял абсолютно голый, сверкая от масла. Мино облил фокусника парафином с головы до ног. На площади стало очень тихо. Сначала раздавались отдельные крики гринго, но их быстро попросили замолчать. Затем Мино опустил тонкую палочку в горящую жировую свечу. Величественным жестом он поднес пылающую палочку к телу Изидоро. И вдруг после громкого хлопка фокусник загорелся.

На площади не раздалось ни звука. Люди в шоке наблюдали за совершившимся на их глазах самоубийством. Те, кто сидел поближе, были вынуждены отстраниться из-за исходящего от него жара. Женщины закрыли глаза руками. А волшебник горел. Затем пламя начало затухать, и наконец перед зрителями предстала покрытая сажей фигура с абсолютно невредимыми волосами и бородой. Фигура поклонилась публике. Мино задернул занавес.

Раздались оглушительные аплодисменты. И когда сам Изидоро еще раз прошел по площади с чашей для денег в руках, утерев с лица сажу и надев брюки, в нее полетело еще много крацев.

Слух о горящем фокуснике разлетелся повсюду, в последующие дни им пришлось дать дополнительные представления не только в этой, но и в окрестных деревнях.

Масло волшебного растения заканчивалось. Его хватило бы всего на пару-тройку представлений. Они ехали в небольшой городок, который, по словам Изидоро, находился недалеко от *el ferrocarril*, железной дороги. По карте Изидоро выяснил, что эта железная дорога проходит через три страны, прежде чем достигает побережья. Море! Еще несколько представлений в этом городе, а потом они продадут Президента Пинго, Таркентарка и Менелая. Затем заберутся в вагон и хорошенько спрячутся между грузами, предназначенными для большого города на побережье. Изидоро все тщательно продумал.

Мино ехал на Таркентарке в нескольких метрах за Президентом Пинго. Менелай брел следом, привязанный веревкой к мулу Мино. Они ехали по пыльной дороге, на обочине которой иногда встречались алоэ и агава. А больше там почти ничего не росло. Изредка по пути им попадались брошенные, частично разрушенные домики из грязевого кирпича. Черные катарты и грифы кружили над огромными кактусами, а больше никаких животных не встречалось. Иногда им удавалось увидеть фрагменты гигантских нефтяных вышек, которые строили по всей стране. Уже несколько месяцев Мино не удавалось поймать ни одной бабочки. В этой разоренной стране водились только ящерицы, мухи и муравьи.

Несколько месяцев назад Мино был вынужден продать попугая Тимидо. В конце концов Изидоро не смог больше терпеть свой собственный голос, постоянно бормочущий какие-то глупости во время их переездов между городами. К тому же за попугаем постоянно нужно было следить, а пользы он не приносил совершенно.

На дороге перед ними возникло облако пыли. Мино подвел Таркентарка и Менелая к большим кустам алоэ и остановился. Он не хотел, чтобы его одежда запыхалась еще сильнее.

По дороге ехал не один автомобиль, а два. Сначала показался большой ржавый американец, «Додж», а потом небольшой грузовик. В первом автомобиле сидели двое гринго. А в грузовике – трое командеров. Автомобили почти миновали Изидоро и Президента Пинго, прижавшихся к обочине, как вдруг «Додж» резко затормозил. Грузовик чуть не врезался ему в зад. Облако пыли улеглось, и Мино увидел, что Изидоро машет шляпой и кашляет.

Из американского автомобиля выскочили два гринго, в руках у каждого из них было по полупустой бутылке рома. Они орали и хохотали, указывая пальцами на Изидоро. Затем один из них прорычал что-то командерам, выскочившим из грузовика. Все пятеро окружили Изидоро.

Мино загнал мулов еще глубже в рощу алоэ. Его эти люди не заметили. Он слышал рычание и хохот.

– *Isn't it the stinkin' famous burnin' man! Will he burn in hell? Hey, you apeshit! Can you burn for us? I've seen your stinkin' show twice and paid for it. I say paid! This time I won't pay. Hu, what you say, Tex?*

– *Damned shiteating dego. Home in ol'Texas we're burnin' them, oh yeah, burnin' them I say. I've burned niggers you see, oh yeah, twice in the middle of the night. Let's have some fun, Mike!*¹⁴

Мино видел, что папа Изидоро пытается протиснуться на муле между ними. Но гринго прорычали что-то командерам, и те стащили Изидоро с мула и ударили Президента Пинго так сильно, что тот рванул прочь. Теперь Изидоро стоял в самом центре их группы, над ним смеялись и издевались. Шляпу с головы фокусника сбросили и кинули на обочину, где она повисла на шипе кактуса. Золотые волосы рассыпались по плечам фокусника.

– *Let's hear how old Tom Turkeys gobbling scream sounds when his neck's wrung the day before Thanksgiving! You scoundrel, apeshit! Let's undress him, Tex, huh?*¹⁵

¹⁴ – Не это ли тот самый знаменитый вонючий «горящий человек»? А в аду он гореть будет? Эй, обезьяна! Ну-ка, сгори для нас, а? Я дважды посмотрел твоё вонючее шоу и заплатил за него. Я сказал, заплатил! А в этот раз я платить не намерен. Э, что ты скажешь, Текс? – Чертов поганый дего. У нас в Техасе мы таких сжигаем, о да, постоянно сжигаем. Я сжигал нигеров, слышь, ты, о, да, дважды, посреди ночи. Давай-ка повеселимся, Майк! (*англ.*)

¹⁵ Ну что, давайте-ка послушаем, как вопит индюк, когда ему сворачивают шею перед Днем Благодарения! Эй, мерзавец,

Мино увидел, как гринго и командиры сорвали с Изидоро пончо, жилет и порвали на нем рубашку. Тогда Мино осторожно слез со спины Таркентарка и подобрался поближе к Менелаю. Он принялся искать что-то в багаже.

– *Let's have a really big show, Mike! Home in Texas we burn them, those, those monkeys. He is a magician, isn't he? He can burn can't he? Oh yeah he'll burn, He won't die, will he?*

– *We have petrol, lots of petrol on the truck, Tex. Miquel, Josè! Petrol, rapido*¹⁶.

Они сорвали с Изидоро всю одежду. Самый здоровенный из командеров держал его, а двое других доставали из грузовика какие-то бочки. Гринго постоянно прикладывались к бутылкам, рыча команды военным и беспрестанно хохоча. Изидоро, не отличавшемуся особой силой, не удавалось высвободиться. К тому же они скрутили его ноги кожаным ремнем.

– *Lots of petrol, wow, let's see the miracle! The burnin' man! But we won't pay, not this time. I said lots of petrol, Josè! You pig!*¹⁷

Мино было видно, как они вылили огромную бочку бензина на голову несчастного голого Изидоро. Бензин тек у него по волосам, на сухом песке вокруг него образовалось огромное влажное пятно. Солнце было почти в зените, и бензин быстро испарялся. Мино подсчитал патроны: четырнадцать выстрелов. Уже давно он не пользовался автоматом. Он прислонился к кактусу и прицелился.

В тот момент, когда один из командеров вытащил из кармана спички и приготовился бросить горящую спичку в свернувшегося в клубок Изидоро, раздался залп.

Одному гринго пуля угодила в лоб, и он мешком свалился рядом с «Доджем». Второму пуля попала в шею, и кровь ручьем лилась из раны, пока он падал. Четыре пули проделали отверстия в груди одного из командеров, и он упал на землю, дергая ногой. Второй получил пулю в глаз и живот, он угодил в куст агавы. Третьему достались последние пять выстрелов Мино: два в затылок и три в спину. Он упал прямо туда, где лежал Изидоро. Дымящаяся сигарета все еще торчала у него во рту, когда он падал лицом прямо в пропитанный бензином песок.

Прозвучал взрыв. Столб пламени поднялся вверх на несколько метров, и за клубился черный дым. Над высушенной солнцем землей раздался душераздирающий крик. Президент Пинго в ответ дико заорал. А потом все стихло.

Мино опустил ружье. Лицо его застыло в гримасе ужаса. Он бросился к морю пламени. Посреди этого моря он видел какую-то кучу, она дергалась, а потом застыла. В отчаянье он начал забрасывать огонь песком. Но это не помогло. Жар был слишком силен, а дым слишком едок. Он остановился. Шли минуты. Огонь все еще горел.

Папа Маджико давно умер.

Мино пихнул ногой одного из командеров. Плюнул на того, что висел на кусте агавы. Затем забрал шляпу Изидоро, раскачивавшуюся на сухом ветру. Надел ее себе на голову. Потом он долго стоял, наблюдая за лужей крови, натекающей из головы убитого гринго.

– Какая же она белая! – произнес он вслух.

вонючая обезьяна! Давай-ка разденем его, а, Текс? (англ.)

¹⁶ Давай-ка устроим настоящее шоу, Майк. У нас, в Техасе, мы таких сжигаем – этих, этих обезьян. А он фокусник, так ведь? Он умеет гореть, не так ли? О, да, он будет гореть. Он ведь не умрет, не так ли? – У нас есть бензин, много-много бензина в кузове, Текс. Мигель, Хосе! Бензин, быстро! (англ.)

¹⁷ Много-много бензина, вау, покажи-ка нам чудо! Горящего человека! Но в этот раз мы платить не будем! Хосе, я сказал, много бензина! Свинья! (англ.)

Глава 3. Дом у моря

От монотонного покачивания у Мино, лежавшего в небольшом закутке между огромными бревнами дерева укави, слипались глаза. Стук колес поезда напевал ему колыбельную. Он пытался вспомнить, как Изидоро рассказывал историю о камне, ставшем мягким, как жир:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.